

Министерство образования и науки Российской Федерации
Псковский государственный университет
Латвийский университет

**ЯЗЫК, МИФ, ФОЛЬКЛОР,
ЛИТЕРАТУРА, КОММУНИКАЦИЯ:
ПЕРЕСЕКАЕМ ГРАНИЦЫ**

Рига – Псков
3–4 ноября 2016 г.
Часть II

Псков
2016

УДК 800+82.09+07

ББК 81+83+76.0

Я41

Издание подготовлено в рамках проекта
«Международный форум “Культурный ландшафт пограничья:
прошлое, настоящее, будущее”»
(договор между фондом «Русский мир» и Псковским государственным уни-
верситетом № 1665 Гр/II – 273 – 16)

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета и Ученого совета
факультета русской филологии и иностранных языков*

*Редакционная коллегия:
Л.Б. Воробьева (отв. редактор),
Н.П. Иванова, В.К. Андреев,
Н.Ю. Кузнецова, В.В. Фролов*

Рецензенты:

— А.Г. Разумовская, доктор филологических наук, профессор (Псков)

— А.В. Ведель, доктор филологии (Рига)

**Язык, миф, фольклор, литература, коммуникация: пересекаем
Я41 границы** / Сб. материалов XII Международной конференции молодых
ученых. В 2-х частях. Часть II. — Псков: Псковский государственный уни-
верситет, 2016. — 90 с.
ISBN 978-5-9909549-2-2

В настоящем издании представлены статьи участников молодежной научной конференции, организованной совместно Псковским государственным университетом и Латвийским университетом. На конференции, проходившей в Риге в ноябре 2016 г., обсуждались проблемы пограничья в литературе, лингвистике, коммуникации.

Сборник предназначен филологам, культурологам, педагогам, интересующимся проблемами межкультурного и межъязыкового пограничья.

УДК 800+82.09+07

ББК 81+83+76.0

ISBN 978-5-9909549-2-2

© Коллектив авторов, 2016
© Псковский государственный университет, 2016

Содержание

От редактора	4
Авакимянц Е. Анализ символических форм в региональных масс-медиа на трансграничных территориях	5
Богомолова В. Традиционные ремесла в этнолингвистическом аспекте (народная вышивка)	12
Герусова А. Признаковое слово в системном и дидактическом аспектах	17
Григорьева Н. Этнонимы в пограничном дискурсе: принципы номинации и система взаимодействия	21
Коньгина В. TED Talks as a Tool for Developing Monologue Speech Skills	25
Мартынова Н. Понятие быстроты в традиционной народной культуре и языке (универсальное и региональное в структуре и языковой репрезентации)	30
Рзаев Б. Открытые границы и социально-политические риски: хронотоп современных русских антиутопий	35
Симонова М. Пограничье прозаического и драматического текста на примере инсценировки рассказа А. Платонова «Фро» в Рижском театре русской драмы им. М. Чехова (особенности трансформации прозаического текста в драматургический) ...	43
Таширова Е. Переходный этап развития концептуальной структуры слова (на примере слов мука, мучение, мучиться)	51
Тихомирова Д. Аббревиатуры и производные от них слова в современном русском языке (на материале словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века)»)	58
Фефелова М. Традиция и своеобразие причастного предиката в Житии Александра Невского (По Синодальному списку Псковской второй летописи)	62
Цема П. А. С. Пушкин и Ж.-Ф. Бастид: к проблеме литературных взаимодействий	67
Цыкунова А. Формирование социокультурной компетенции посредством учебных экскурсий на иностранном языке (на примере города Пскова)	72
Чайка В. Континентальная хоккейная лига как «коммуникационный инструмент» России в сфере профессионального спорта	80
Шепелева К. Открывая изобразительную наглядность заново: о развитии иноязычной коммуникативной деятельности учащихся с учетом современной реальной ситуации».....	84

От редактора

В рамках проекта «Международный форум «Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее»» при частичной поддержке фонда «Русский мир» Псковский государственный университет и Латвийский университет (Рига) организовали международную научную конференцию молодых ученых «Язык, миф, фольклор, литература, коммуникация: пересекаем границы». Она состоялась 3 – 4 ноября 2016 г. на Отделении русистики и славистики факультета Гуманитарных наук Латвийского университета, объединив вокруг проблем пограничья начинающих исследователей из Латвии, России, Украины, Эстонии.

По итогам конференции выпускается электронный сборник статей в 2-х частях. Первая часть издается Латвийским университетом, вторая – Псковским государственным университетом. В статьях нашли отражение проблемы межъязыкового и межкультурного взаимодействия, раскрываемые на различном материале студентами-бакалаврами, магистрантами и аспирантами вузов-партнеров.

Анализ символических форм в региональных масс-медиа на трансграничных территориях

Елена Авакимянц

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Реклама и связи с общественностью», III курс

Резюме. В представленном научном исследовании проводится анализ символических форм в региональных масс-медиа на трансграничных территориях. Если обратиться к истории, то до распада Советского Союза страны Балтии входили в его состав союзного государства и являлись частью единого коммуникационного пространства, но после разделения СССР на суверенные государства произошло резкое дистанцирование, вплоть до появления мелких конфликтов на почве территориальной принадлежности определенных приграничных участков земли. Основная проблема выбранного нами исследования состоит в том, что вследствие дистанцирования возникло серьезное выстраивание позиции «друзья-враги» на сопредельных территориях с бывшими постсоветскими странами. В результате естественные дружественные отношения, которые должны возникать между странами-соседями, начинают детерминироваться различными политическими и социальными дискурсами, которые, в свою очередь, начинают проникать в СМИ.

Ключевые слова: региональные масс-медиа, контент-анализ, коммуникационное пространство, политическая сфера, экономическая сфера, социальная сфера.

В качестве объектов исследования ключевых смысловыми были взяты два печатных издания Псковской области: «Псковская правда» (региональное издание, которое финансируется государственным бюджетом Российской Федерации) и «Псковская губерния» (оппозиционное региональное издание, позиционирующее себя как независимая региональная газета, не принадлежащая органам государственной власти, местного самоуправления и политическим партиям).

Основная цель исследования – выявление особенностей символических и смысловых форм в региональных масс-медиа методом контент-анализа, которые дают оценку и демонстрируют картину политической, социальной и культурной жизни сопредельных государств на трансграничных территориях.

За исходную единицу контент-анализа в данном исследовании была взята публикация и присутствующие в ней оценочные суждения.

Задачи работы:

– выявить наличие и характер детерминированных суждений, по которым видно, что жителей сопредельных территорий рассматривают как враждебных оппонентов, в каких терминах, с каким отношением;

– определить, есть ли изменения в отношениях жителей трансграничных территорий в связи с политическими и социальными процессами внутри соседствующих государств; ассоциируют ли граждан определенной страны с той политикой, которую ведет данная страна на мировой политической арене.

Для изучения задач исследования нами был определен количественный

метод исследования – контент-анализ, под которым понимается – метод изучения сообщений, созданных в сфере социальной коммуникации и зафиксированных в форме печатного текста и отдельных его элементов.

В ходе исследования был изучен архив публикаций изданий «Псковская правда» и «Псковской губернии» в период с 1 января по 25 октября 2016 г. За данный временной период региональным изданием «Псковская правда» было выпущено 40 номеров, в состав которых вошло около 850 публикаций и статей на различную тематику. Редакцией «Псковской губернии» было также выпущено в печать 40 номеров, включающих в себя около 400 публикаций. В данном случае газеты отличаются количеством полос. Результаты количественного анализа публикаций представлены в Приложении № 1 данной статьи.

Проанализировав материалы исследуемых газет, мы пришли к заключению, что в региональных масс-медиа на трансграничных территориях прослеживаются публикации, отражающие политическую, социальную и экономическую жизнь стран-соседей.

Вся совокупность признаков **контент-анализа была** дифференцирована на три основные категории: социальная, политическая и экономическая сферы. В каждой из них, в свою очередь, были выделены **единицы счета** – единицы упоминания признака, его наличие в тексте (это может быть как название одной из стран на трансграничной территории, так и любое имя собственное, относящееся к той или иной стране – авт.).

В контексте контент-анализа публикаций «Псковской правды» выделены следующие объекты:

1. «Геополитика в домашних тапочках» (№ 29 за 2016 г.). В статье дается оценка деятельности Президента Эстонии в 2006 г., а также акцентируется внимание на том, что изменилось в отношении Эстонии к нашей стране (см. Приложение № 4) (3).

2. «После вступления в Евросоюз мы потеряли треть жителей» (№ 32 за 2016 г.). В статье обсуждаются вопросы потенциальной помощи, которую может оказать Латвия Пскову в развитии туризма, что Латвия, как приграничное государство, получило от вступления в ЕС, и к чему привела бы политика открытых дверей в России (см. Приложение № 4) (4).

В контексте контент-анализа публикаций «Псковской губернии» выделены следующие объекты:

1. «Вновь выросла стена» (Между Псковской областью и странами Прибалтики появляются искусственные преграды-то ли от шпионов, то ли от беженцев, то ли от лося) (№ 13 за 2016 г.). В ней представлено заявление главы Эстонского МВД Ханно Певкур о том, что Правительство Эстонии собирается до 100-летнего юбилея республики построить стену на границе с Россией и таким образом «подарить эстонскому народу и эстонскому государству самую совершенную в мире границу». В декабре 2015 г. укреплением «тыла» озаботилась Латвия: она уже возвела первые три километра забора на территории Лудзенского управления, которое граничит с Псковской областью. Однако эффективность и политическая целесообразность подобных «балтийских стен» вызывает большие вопросы (см. Приложение № 4) (1).

2. «451 градус по “Твиттеру”» (Российские политики считают записи в со-

циальных сетях основанием для международных обид) (№ 29 за 2016 г.). Советник посольства РФ в Эстонии Евгений Верлин переживает из-за публикаций эстонского Президента в “Твиттере”. «Эстония известна жесткой позицией в отношении России после референдума о статусе Крыма, кроме того, большим вопросом для стран является ратификация пограничного договора. Территориальные претензии прошлого века на Печорский край совпали с современным двусторонним поиском внешней угрозы, а местом выражения недовольства стали социальные сети» (см. Приложение № 4) (2).

Проведенное исследование показывает, что в государственном органе печати – «Псковской правде» из концепции освещения информации на трансграничных территориях совершенно выпадают все темы относительно Литвы. Это может быть обусловлено тем, что отсутствует сопряжение границ Литвы и России. Основные публикации в данной газете касаются Эстонии, причём их распределение относительно социальной, политической и экономической сфер практически пропорционально. Мы видим, достаточно ровное распределение пропорций, касающихся выделенных нами сфер информационного освещения. Единицы контент-анализа выделяются равной степенью количества публикаций, приблизительно, от 2/3 до 1/2. Информационное освещение политических событий, происходящих в Эстонии, занимает 2/3 всех выделенных публикаций; событий, связанных с экономической жизнью страны, – 1/2, а статей, отражающих социальную сферу, более 1/2 всех публикаций (см. Приложение № 3).

Внегосударственном органе печати – «Псковской губернии» – присутствует практически такая же пропорция распределения публикаций, касающихся трансграничных территорий. Единственное, в чем было выявлено отличие, это то, что здесь присутствует освещение политической, экономической и социальной сфер Литвы, которое составляет примерно четверть всех выделенных публикаций.

При этом следует отметить, что основная пропорция соотношения количества публикаций «Псковской губернии» и «Псковской правды» практически идентична.

Если в федеральных СМИ прослеживаются достаточно серьезные оценки роли стран Балтии в процессе противостояния России и Евросоюза, России и НАТО, то в региональных СМИ данная тема не актуализирована. На уровне повседневности население этим не интересуется и, соответственно, это не привлекает внимания местного журналистского сообщества, которое находится вне предполагаемой геополитической игры, то есть мы не видим ясного представления образа врага, нет четких публикаций, в которые бы подражали федеральным СМИ.

В заключение можно сделать вывод о том, что местное (российское) население несмотря на то, что есть федеральное дистанцирование с Западом, по-прежнему рассматривает страны Балтии в нейтральном ключе и серьезного антагонизма, который бы транслировался в речевых дискурсах СМИ, в количестве публикаций и в расстановке акцентов, к этим государствам не испытывает.

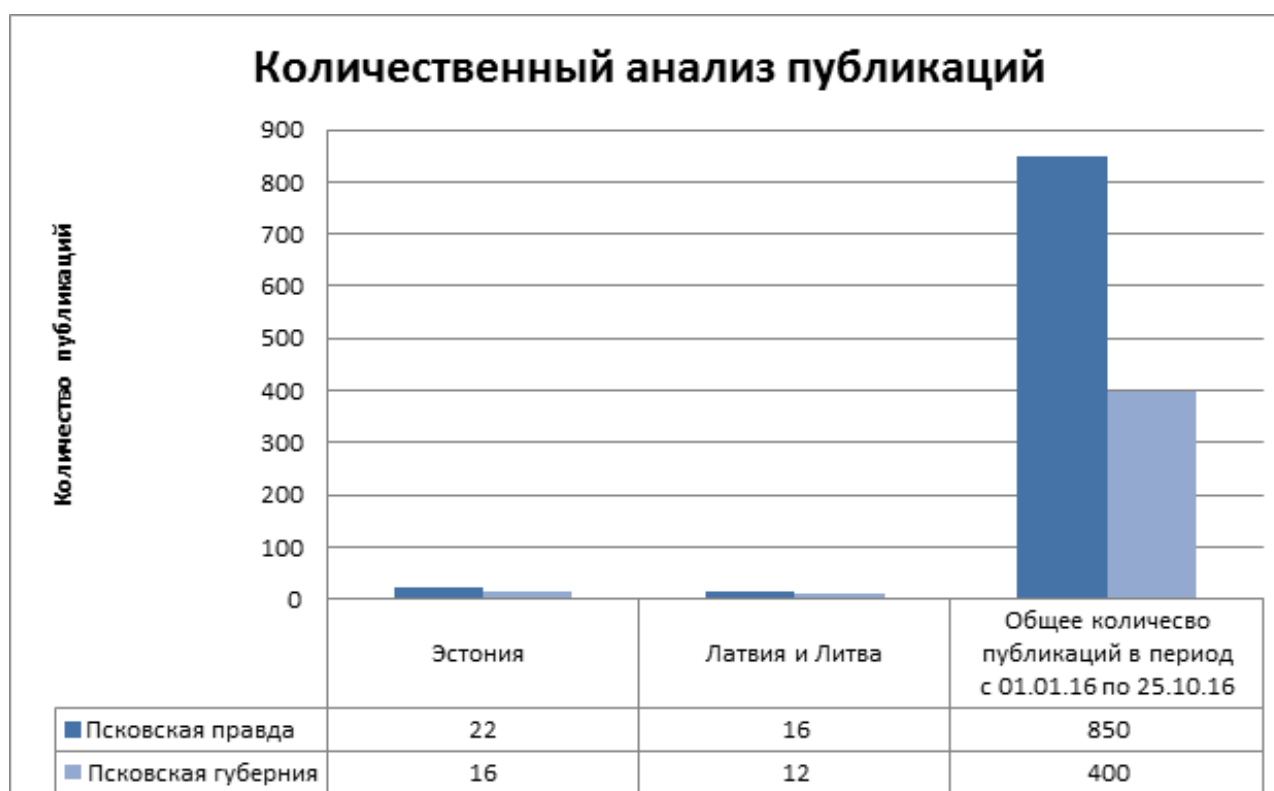
Литература

1. Псковская губерния. 2016. № 13.
2. Псковская губерния. 2016. № 29.
3. Псковская правда. 2016. № 29.
4. Псковская правда. 2016. № 32.

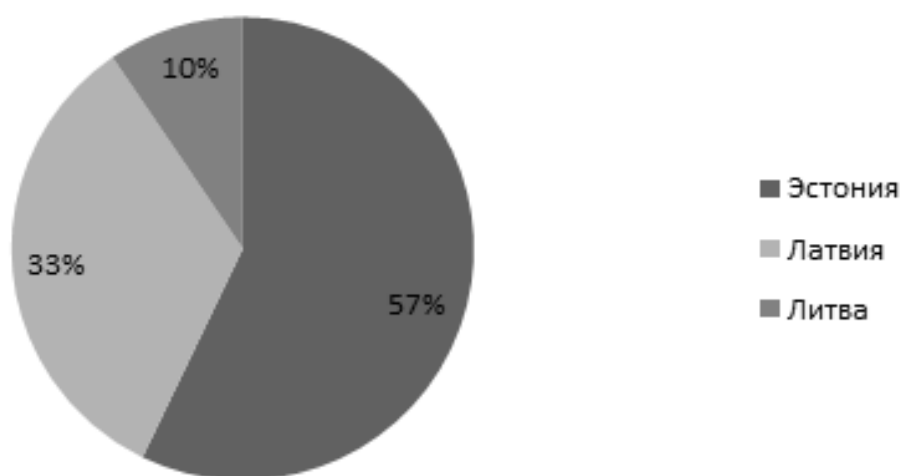
Abstract. The scientific research deals with the analysis of symbolic forms in regional mass media on the transboundary territories. If we appeal to the history, before the dissolution of the Soviet Union, the Baltic counties were the members of it. They were the part of integrated communicative space. The Baltic countries were thought to be neighborly. After the dissolution of the Soviet Union, the sovereign states disassociated themselves from one another. The reason of many small conflicts was the territorial allegiance of some border areas. The author came to the conclusion that the main problem of this scientific research is the attitude between the former Soviet countries. This is the reason of the present-day disassociation between Russia and Europe. As a result, the friendly relations are determined by political and social discourses and the last ones begin to penetrate mass media.

Key words: regional mass media, content analysis, area of communication, political sphere, economic sphere, social sphere .

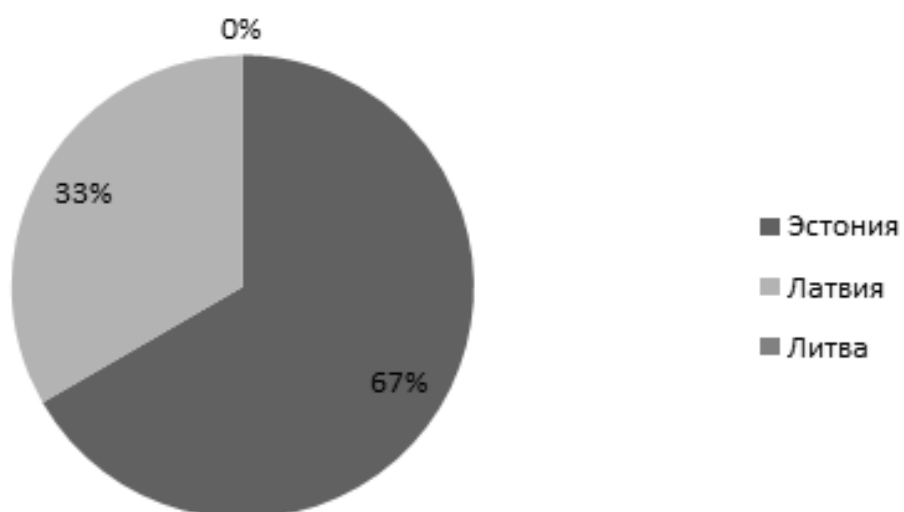
Приложение №1

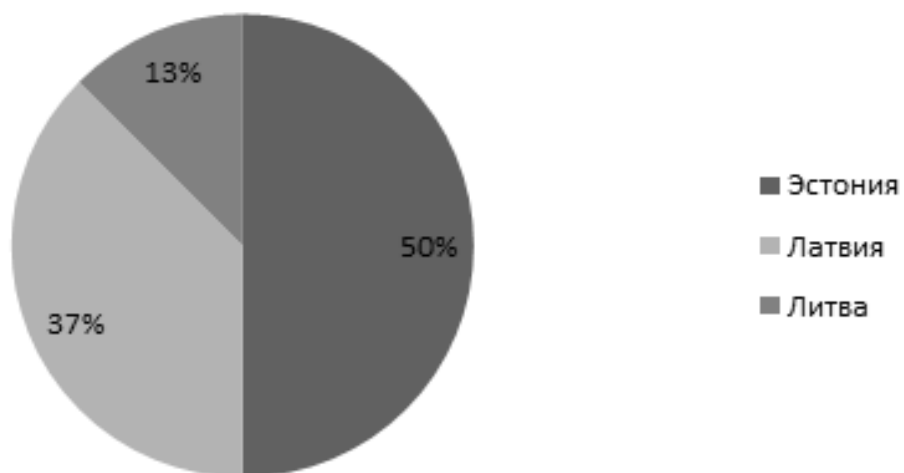
Социальная сфера

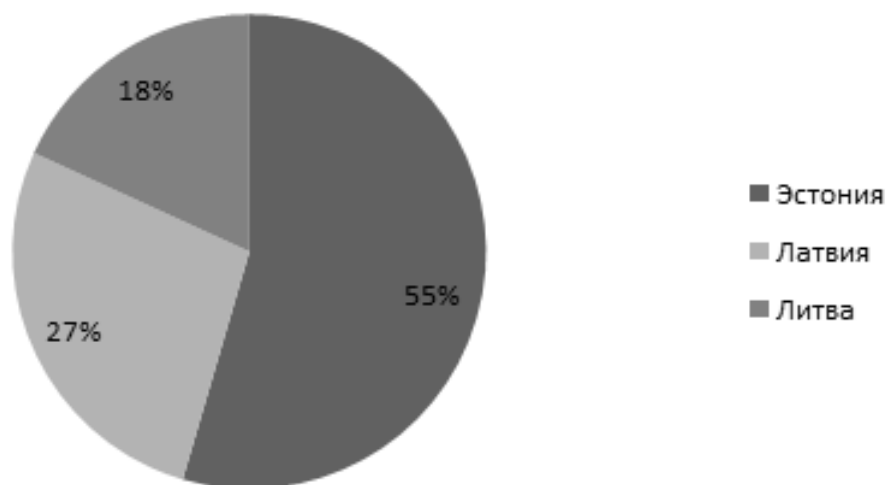
Политическая сфера

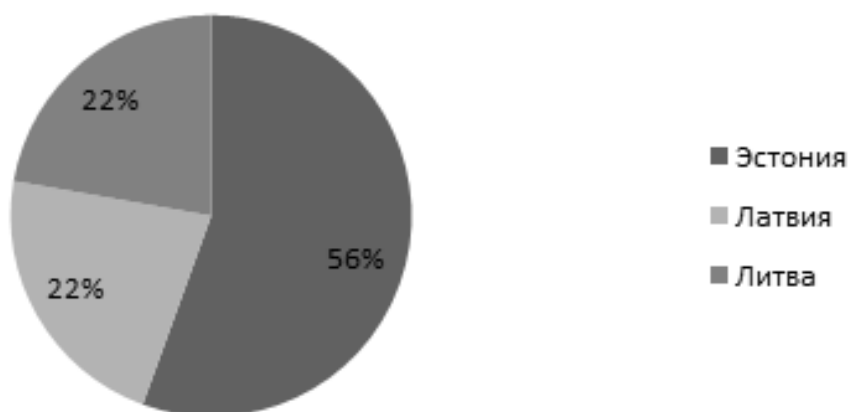
Экономическая сфера

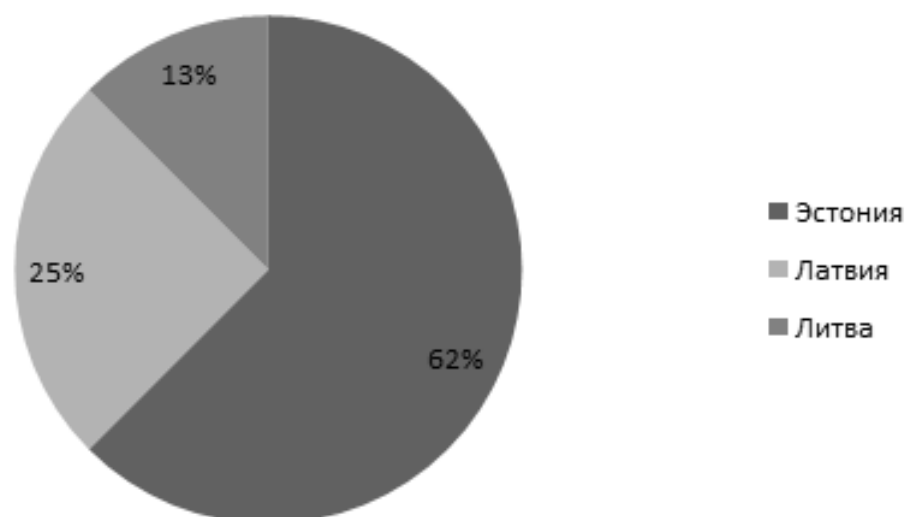
Социальная сфера

Политическая сфера

Экономическая сфера

Основные единицы контент-анализа

Псковская правда. 2016. №29
Псковская губерния. 2016. № 29

Псковская правда. 2016. №32
Псковская губерния. 2016. № 13

Традиционные ремесла в этнолингвистическом аспекте (народная вышивка)

Валерия Богомолова

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Педагогическое образование», IV курс

Резюме. Данная работа посвящена изучению народной вышивки в этнолингвистическом аспекте. Методика исследования строится на выявлении номинативного материала для построения логико-понятийной модели рассматриваемого вида рукоделия. Источником материала послужили данные 25-ти опубликованных выпусков «Псковского областного словаря с историческими данными» и той части его картотеки, которая хранится в архиве Псковского университета. В работе представлены наблюдения над отмеченными в псковских народных говорах наименованиями, что может представить интерес не только для лингвистов, но и для этнографов, культурологов, искусствоведов.

Ключевые слова: народная вышивка, этнография, этнолингвистика, этнолингвистический метод, логико-понятийная система, диалектная лексика.

Одним из самых распространенных видов русского народного рукоделия является вышивка, она получила развитие благодаря доступности используемого инвентаря. Необходимые приспособления имелись в каждом доме: игла, нити, текстиль, пальцы и ножницы. Пронизывая разные стороны духовной и материальной культуры, вышивание выделяется из ряда других способов декорирования текстиля разнообразием мотивов, расцветок, приемов выполнения. Русская вышивка хранит характерные лишь для нее, выработанные многими поколениями мастеров специфические черты вышивального искусства, в ней нашли воплощение талант, вкус и мастерство народа.

Знания, образы, представления человека об окружающем мире находят свое отражение в языке, вследствие чего образуются различные группы слов и устанавливаются отношения между этими классами. Именно лексика позволяет четко проследить характер мышления, отношение представителей этноса к тем или иным реалиям, явлениям. Комплексного описания такого вида деятельности возможно достичь с помощью применения междисциплинарных методов, которые выработала этнолингвистика. Этнолингвистика представляет собой «направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» (Толстой 1995: 27).

Этнолингвистический метод заключается в исследовании культурно значимой информации через язык, как правило, с помощью построения лексической системы, что осуществляется с привлечением различных этнографических и лингвистических источников (Герд 2001: 63–69).

Для осуществления реконструкции традиционной языковой картины мира необходимо построение лексической системы диалектных номинаций

определенных предметов действительности. Такая лексическая система, а именно логико-понятийная модель объекта – это «концептуальная система знаний об объекте, представленная в том или ином вербальном или графическом виде» (Герд 2001: 64). Итог такого представления лексики – выявление иерархии понятий, отношений между этими понятиями.

Для системного представления явления требуется интеграция опыта, а именно сведений из таких наук, как этнография, археология, история и, конечно, лингвистика; кроме того, необходима интерпретация материалов, накопленных в лучших этнографических, археологических, этнолингвистических, а также чисто диалектологических атласах, на картах которых хорошо представлена география отдельных слов и понятий. Из круга других филологических источников имеют значение для этнолингвистики словари, особенно диалектные, этимологические и словари разговорной речи.

Однако наиболее важными являются все же словари диалектные (областные, региональные), особенно словари полного типа, к числу которых относится «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС), так как в них представлен полный перечень слов, которые обозначают различные понятия материальной и духовной культуры народа. Для каждого слова даются его варианты, лексические значения, иллюстративный материал, представленный цитатами из живой народной речи, а также детальная география слова.

Источником материала изучения лексической номинации и семантики послужили данные псковской народной речи, отраженные в картотеке «Псковского областного словаря с историческими данными» (КПОС), а также в опубликованных выпусках ПОС.

В «Псковском областном словаре» общерусское слово вышивка представлено двумя лексическими значениями, связанными с этим видом рукоделия, отражающими как процесс, так и как результат: производное от глагола вышить/вышивать, 'узор, сделанный шитьем' и 'ткань, на которой что-н. вышито' (ПОС VI 1984: 105).

Среди собранного материала общерусское прилагательное вышитый не встречается. Но мы наблюдаем его акцентологический вариант вышитой и ряд словообразовательных параллелей: вышитой (Рубашки вышитыи насили. Пск.); вышиванный (Сивонни адену вышиванный пиренник. Сер. На галавы лентычки вышиваныи. Пск.); вышивательный (в 1-ом знач.) (Кумашник – он вышивательный. Ляд.); вышивной (Салфетки вышивныя глядел нарот. Порх.); вышинный (Рушник вышинный на иконы вешають. Нев.).

Построение логико-понятийной модели мы связываем с представлением рассматриваемого вида рукоделия на широком номинативном фоне, отражающем предметную область данного вида деятельности.

В соответствии с таким подходом собранный материал был распределен по следующим тематическим микрогруппам: «Техника вышивания», «Орнамент», «Изделия», «Материал», «Инструментарий».

Тематическая микрогруппа «Техника вышивания» имеет неоднородную структуру. В первую очередь выделяется подгруппа «Виды шва», в которую вошли наименования:

- крестом/крестком/крестиком/крестками/в крестик, также имелось название верлочами (Я вярлачам вышивала, кресткам ешшо гаварили. Тор.). Подвидом вышивки крестом является шов болгарским крестом (Вышивали и гладью и крестом, прастым и болгарским, простой – крест-накрест, болгарский – ишо крест-накрест. Гд.) и его синоним кучками (‘О способе вышивки болгарским крестом: перекрещивая четыре стежка’ Вышивали и гладью, и крестом, и кучкам, падзорник у кравати. Стр. (ПОС XVI 2004: 443);

- гладью/вгладь (Эта вышиван ня кристом, а уулатъ. Вл.). Имеется разновидность: строчкой (Вышивали гладью, гладью – эта рядом, блиска, а па-другому – как строчкай. Пуст.).

Совершенно по иному принципу, а именно по типу основы, выделяются следующие способы:

- канвой/по канвы/на канве, здесь канва является основой при вышивании крестом. Способ также имеет название по дырочкам (А то па канвы вдявали нитку, па дырачкам. Сланц.);

- по выдергу – способ со сходной техникой: нити выдергиваются из полотна, имитируя таким образом канву (Па выдергу шыли, холст выдергают, па канвы. Ляд.).

Тематическая микрогруппа «Орнамент» включает в себя слова, относящиеся к растительному (цветы) и зооморфному (лошади, коровы, цыпочки) орнаменту. Вышивали цвяты больше, лашадей, кароф, цыпачек, дырачки иголками бальшым кастьяным делали. Слан.

Само понятие ‘орнамент’ обозначено в говорах следующими словами: узор (вар. взор), узорок (вар. взорок), узоринка. (Взарок, палатенца вышивали, самой вышито, приходе ка мне падрушка и говарит: давай мне на взарок, я буду глядеть на няво и буду вышивать, дай мне взор. Беж. А то йишшо узоринка вышита на палатениц. Стр.)

Микрогруппу «Изделия» можно условно разделить на подгруппы «Бытовой текстиль», «Текстиль, выполняющий сакральную, обрядовую функцию», «Одежда» и «Часть костюма».

«Бытовой текстиль», в свою очередь, по функции в быту разбивается на «Предметы личной гигиены»: полотенце, с его разновидностями: втиранник/тиранник, ручник/рушник; «Постельные принадлежности»: наволочка, простыня; «Предметы убранства избы»: занавеска, подушечка, подзорник/подузорник, полотенце (втиранник/тиранник, ручник/рушник), салфетка, скатерётка.

Очевидно, что пересекаются подгруппы «Бытовой текстиль» и «Текстиль, выполняющий обрядовую, сакральную функцию»: в области пересечения находится полотенце (и другие его наименования), ими в избе украшались иконы. Ручник/рушник являлся важной деталью свадебного обряда: вышитые ручники невеста в день свадьбы вывешивала в доме жениха. Втиранник/тиранник тоже имел место в свадебном обряде: ими перевязывались дружки, и они также вывешивались невестой. Кроме того, втиранник/тиранник использовался в похоронном обряде, на полотенцах опускали гроб в могилу.

Подгруппа «Одежда» делится по признаку принадлежности: мужская и женская. К вышитой верхней мужской одежде относится рубаха, к ниж-

ней женской стануха/стан. Однако слово рубаха может также именовать и женскую нижнюю одежду, и тогда стануха/стан и рубаха (в одном из значений) будут являться синонимами. Это подтверждает найденный материал: Ой, как стануха саткана харашо. Пушк. На наличие вышивки указывает дефиниция: 'Рубаха, вышитая преимущественно гладью'. Верхняя женская одежда представлена словами кофта/кохта (Кофта-то крестом вышита, старина, сто гот вышивала. Гд. Кохту вышивали, отличалась, палучьшы у девушки. Нев.), передник (Сивонни адену вышиванный пиренник. Сер.).

Подгруппа «Части костюма» также делится по признаку принадлежности. Мужские: кисет и пояс (Сабирут девак, штоп вышивали кисеты, а для женщины пояс. Н-Рж.). Женские аксессуары представлены словом ленточка (На галавы лентычки вышиваны. Пск.).

Микрогруппа «Материал» представлена словами нитки (А внучэк фсё надялала палатенца, а вышивала-то ниткам. Н-Рж.), пряжа (Многа пряжы на вышыфку купила. Печ.), обозначаются и разновидности: бумажные нитки (Кристом вышивали, бумажными нитками. Вл.), гарус (Чернайе сукно вышивали гарусам. Гд.), мулине (вар. малине) (Бывала, нитки малине, вышивали. Пск.).

В микрогруппу «Инструментарий» вошло слово пяльцы: Ткань ф пяльцы фпялим, а потом вышиваим. Пл. Стоит отметить, что общерусское слово пяльцы, обозначенное в МАС как 'приспособление для вышивания в виде рамы, на которую натягивается и закрепляется ткань' (МАС III 1983: 571), в диалектной речи имеет и иное значение – 'приспособление для ткачества' (КПОС).

Таким образом, выявление лексики показало разнообразие круга региональных диалектных единиц, номинирующих поле традиционной вышивки, а в ходе ее систематизации были определены родо-видовые отношения между этими словами. Наличие синонимов и обилие производных к одному понятию слов позволяет сделать вывод об устойчивости и важности данных реалий в жизни носителя диалекта.

Итак, в основе данного подхода, опирающегося на рассмотрение предметной области, связанной с вышивкой, лексический материал был представлен в виде тематических микрогрупп. Выделение самих микрогрупп имеет универсальный характер, а диалектная специфика проявляется в составе и объеме номинаций (стануха, скатерётка и мн. др.).

Литература

1. Герд, А.С. (2001). Введение в этнолингвистику. Санкт-Петербург: СПбГУ. 488 с.
2. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. (1967–2016). (Ред.) Б.А. Ларин. Ленинград (Санкт-Петербург): ЛГУ (СПбГУ).
3. Словарь русского языка: в 4 т. (1981–1984). (Ред.) А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык.
4. Толстой, Н.И. (1995). Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик. 262 с.
5. Шубина, Т.Г. (1999). Обработка льна и шерсти, прядение и ткачество. В: Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков: ПОИПКРО. 296 с.

Abstract. This work is devoted to the study of folk embroidery in ethnolinguistic aspect. Research methodology is based on the identification of the material for constructing the nominative logical-conceptual model of this species needlework. The source material had had compiled 25 item, which published in “Pskov regional vocabulary with historical data”, and that part of its filing had kept in the archive of the Pskov University. The paper presents the observation of marked in Pskov’s national dialects names, that may not only interesting by linguists, but for ethnographers, culturologists, art critics.

Key words: folk embroidery, ethnography, ethnolinguistics, ethno-linguistic method, logical-conceptual system, dialect vocabulary.

Признаковое слово в системном и дидактическом аспектах

Анна Герусова

ПсковГУ,

*факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Педагогическое образование», IV курс*

Резюме. Исследование посвящено одной из форм преодоления лингвоэтнического барьера. Основой нашего метода является опора на семантические универсалии. В публикации представлен проект сопоставительного словаря, отражающего универсальный процесс метафоризации относительного прилагательного. Создание словаря должно способствовать усвоению образных средств русского языка, а также лучшему пониманию художественных произведений русской литературы.

Ключевые слова: имя прилагательное, переносное значение, метафоризация, сопоставительная лексикография.

Признак как таковой в реальном мире не существует изолированно от предмета, только наше абстрактное мышление позволяет рассматривать его как самостоятельную категорию отдельно от предметов, которые им обладают. Единство признака и обладающего им предмета составляет семантическую сторону признакового слова.

Признаковыми словами (именами) принято называть «синтаксически специализированные в признаковой функции полнзначные слова с лексическим значением признака» (Никитин 1996: 248). К ним могут относиться как прилагательные, так и глаголы, наречия. Но если наиболее общей и существенной чертой семантики глагола является его указание на процессуальные признаки (действия, состояния), наречия – признаки признака, то семантика прилагательного указывает на непроцессуальные признаки (качества, свойства, отношения) предметов. Как пишет Е. А. Макарова, «значение признака, качества, свойства предмета воплощается в языке *suī generis* лишь одним лексико-грамматическим классом слов – именем прилагательным, входящим в основное “когнитивное” звено словарного состава языка и обслуживающим познавательно-классифицирующую и качественно-оценочную сферы человеческой деятельности» (Макарова 2011: 185).

Признак может характеризовать не только реальный предмет, но и действие, и состояние, и качество, и отношение; признаком может быть любое свойство объекта, как физическое (размер, форма, вес и т.п.), так и функциональное, как внешнее, так и внутреннее, как наблюдаемое, так и ненаблюдаемое, как имманентно присущее объекту, так и приписываемое ему человеком. Признак не столько «принадлежит» объекту, сколько «задается» ему человеком; это та сторона познаваемого объекта, которая выделена познающим субъектом в качестве релевантной и как бы отторгнута от объекта; это инструмент, с помощью которого человек идентифицирует и сравнивает объекты (Толстая 2002: 9).

Вторая особенность признака заключается в том, что он способен

принимать различные значения. Так, мы можем говорить о признаке цвета (со всеми его значениями: белый, красный, желтый и др.), размера (большой, маленький, гигантский и т.п.), движения (быстрый, медленно, рывками, скачками и др.) и о множестве других признаков, по которым объекты могут быть сходными или различаться. Признак может быть основанием семантических оппозиций типа «свой – чужой» (отношение к границе), «верх – низ» (вертикальная ориентация), «мужской – женский» (пол) и др.

С помощью признаков происходит объединение предметов или явлений, обладающих тем же значением одного признака, или противопоставление этих предметов или явлений другим предметам и явлениям, обладающим иным значением этого же признака.

Системная организация лексики (в первую очередь парадигматические отношения) проявляется в различных регулярных моделях формирования производного метафорического значения. Поэтому в задачи освоения лексики входит не только расширение словарного запаса, но и усвоение тех системных связей, в которые вступают слова в определенном лексическом значении. Немаловажную роль здесь играет знание и усвоение переносного значения слов.

Однако методика изучения иностранного языка с осторожностью подходит к вопросу о введении материала о переносных значениях слов, особенно на начальном этапе обучения языку как иностранному. А между тем не только понимание художественного, поэтического текста, но и образная, выразительная речь тесно связана с осмыслением механизмов переноса наименований. Поэтому освоение иностранными учащимися лексического состава с метафорической семантикой является одной из важных задач методики преподавания русского языка как иностранного.

Цель данной работы – разработать методику преподавания переносного значения признакового слова в аспекте изучения русского языка как иностранного.

Основой нашего метода является опора на семантические универсалии. Понимание метафоры может накладываться на собственный языковой опыт иностранных студентов, на их знание родного языка и знакомство с изучаемым европейским языком, например, английским. В понимании языковой универсалии мы исходим из положения о том, что рассматриваемое явление имеет специфику проявления в разных конкретных языках при наличии самого механизма метафоризации.

Целесообразным мы считаем использовать сопоставительный метод, который предполагает опору на родной язык учащегося для сопоставления явлений с целью их лучшего понимания и усвоения. Этот принцип в процессе обучения может реализоваться тремя разными способами. Во-первых, имея в виду тот факт, что учащиеся на начальном этапе изучения русского языка бессознательно переносят речевые навыки родного языка на изучаемый язык, преподаватель может воспользоваться этим бессознательным процессом и правильно построить обучение, в частности, избежать лишней работы и сосредоточиться на наиболее «ошибкоопасных» явлениях русского языка. Во-вторых, учет родного языка может происходить в форме «открытого» сопоставления системы родного и системы русского языка. Такая

систематизация будет наиболее эффективной, если параллельно с системой усвоения явлений русского языка преподаватель «выстроит» систему родного языка и обратит внимание на их сходства и различия. В-третьих, родной язык может использоваться как вспомогательное средство – например, для семантизации русских слов, объяснения грамматического материала, формулирования заданий и т.п.

Таким образом, сопоставительный метод оказывается эффективным в основном за счет так называемой положительной интерференции, когда умения и навыки, сформированные в области родного языка, позволяют формировать их и в изучаемом.

Так, имена прилагательные с исходным значением материала, из которого изготовлен предмет (деревянный, железный, золотой, мраморный, стеклянный и т.п.), реализуют регулярную полисемию, формируя метафорическое значение, обусловленное признаком сходства. С целью обоснования этой регулярности мы выявили на материале «Словаря русского языка» в 4 томах 40 лексических единиц, реализующих универсальные метафоры.

Следующий этап работы был связан с сопоставлением выявленных лексем русского языка с материалами английского и туркменского¹ языков. Таким образом, была сформирована основа полиязычного семантического словаря с параллельной реализацией универсальной метафоры. Структура словарной статьи отражает сопоставительный характер словаря с параллельной реализацией семантики признакового слова.

Работа с фрагментом словаря прошла апробацию в туркменоязычной аудитории: учебная среда бала сформирована из студентов-первокурсников направления РКИ с разной степенью владения русским языком. Опыт работы в иноязычной аудитории показал целесообразность использования данного словаря в качестве дидактического материала при изучении русского языка как иностранного. Само чтение словаря будет способствовать расширению словарного запаса студентов-иностранцев, усвоению ими переносного значения слов и, как следствие, универсальных метафорических сдвигов в семантике. Результатом этого должно стать лучшее понимание художественного, поэтического текста и развитие образной, выразительной речи учащихся. Также мы считаем, что данный словарь может расширить знания студентов о своем родном языке и дать им возможность увидеть его в связи с другими языками.

Особый интерес для нас представляет формирование корпуса текстов с включением изучаемой лексики из прозаических и поэтических произведений (на русском и туркменском языках), доступных для анализа в иностранной аудитории. Работа не только с изолированными семантическими единицами, но и с текстами, где эти слова вступают в различные отношения с другими словами, способствует лучшему пониманию и усвоению материала. Помимо этого, такая работа помогает развитию языкового чутья обучающихся, формированию у них речевой компетенции, а также расширению их читательского кругозора.

Потребность выявления русской национальной специфики метафорической семантики признакового слова и ее изучение на конкретном

1 Туркменский язык выбран на том основании, что в последние 5 лет с нарастающей интенсивностью растет число туркменоязычных студентов в Псковском государственном университете.

языковом материале связана с преодолением лингвоэтнического барьера, с необходимостью вести качественный межкультурный диалог, предполагающий знание национально-специфических особенностей языка, которые, прежде всего, отражены в семантике лексических единиц.

Литература

1. Князев, Ю.П. (2013) Имя прилагательное. В: Богданов, С.И., Евтюхин, В.Б., Князев, Ю.П. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. Учебно-методический комплекс по курсу «Морфология современного русского языка». Санкт-Петербург: СПбГУ.
2. Макарова, Е.А. (2011) Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении. В: Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер: Филология. Выпуск № 2 (14). С. 184–190.
3. Никитин, М.В. (1996) Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург: СПбГУ, 817 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. (1981–1984). (Ред.) А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык.
5. Толстая, С.М. (2002) Категория признака в символическом языке культуры (вместо предисловия): Толстая, С.М. (отв. ред.) Признаковое пространство культуры. Москва: Индрик. С. 7–20.

Abstract. This paper is about a form of language barrier overcoming. The basis of our method is relying on semantic universals. The project of comparative dictionary with imaging of relative adjective universal metaphorisation process. The dictionary will be useful for those, who wish to understand some figurative ways in Russian language and the artistic works of Russian literature.

Key words: adjective, figurative meaning, metaphorization, comparative lexicography.

Этнонимы в пограничном дискурсе: принципы номинации и система взаимодействия

Наталья Григорьева

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,
аспирант

Резюме. Исследование посвящено рассмотрению слов-этнонимов, употребляемых в псковской диалектной лексико-семантической системе. Речевой материал позволяет выявить культурологические, географические, исторические и языковые связи между соседствующими этносами. Выявленные оппозиционные модели слов-этнонимов активно вступают в семантико-деривационные отношения между собой, образуя этнонимическое поле. Этнонаименования, употребляемые для называния этносов, раскрывают особенности этнической, конфессиональной и культурной соотнесенности между пограничными территориями, на которых они проживают.

Ключевые слова: этноним, псковский этнонимикон, этнонимическое поле, системные отношения, пограничный дискурс.

Исторические данные свидетельствуют о том, что пограничное положение славянских, финно-угорских и балтийских народов, выраженное в этнокультурном и языковом взаимодействии, достаточно четко проявляется на территории Псковского региона.

Территория Псковской области на протяжении длительного времени была и сейчас является пограничной, она смогла впитать в себя и сохранить разнообразные признаки соседствующих этносов, проявляющиеся в сферах традиционной материальной и духовной культуры и языка.

Исследование современной псковской диалектной речи представляет собой попытку определить, какова самоидентификация этносов (проживающих на указанной территории, причем издавна находящихся в столь смешанном иноязычном окружении) и как они интерпретируют собственные этнонаименования.

Этническая неоднородность населения, обусловленная геополитическими факторами историко-культурными процессами, реализовалась в формировании этнонимической лексики псковских говоров, которое происходило путем различных форм взаимовлияния самих этносов. К ним относятся: ведение быта и хозяйства в однородных природных условиях, семейно-родственные связи, разные виды культурного влияния в проведении обрядов и праздников и т.д.

Этнонимия псковских говоров многослойна и неоднородна, она имеет свои принципы номинации и взаимодействия. При этом каждый из слоев отражает свою определенную страницу истории.

Материалом для наблюдений послужили «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) и картотека ПОС, хранящаяся в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

Прежде всего следует отметить наименования этносов, проживающих на территории Псковской области: *Эта русские были*. Оп. (КПОС); *И биларусцы в ётай дирэвни сабираюцца*. Нев. (ПОС 1: 164); *Здэся у нас раньшы многа эстонцеф была, вайна зашла, ани и удрали*. Гд. (КПОС); *Ана [дочка] вышла за латвийца*. Оны богатыи. Дн. (ПОС 16: 523); *Ох, литофцы маклаки были*. Локн. (ПОС 17: 95–96).

Одновременно в псковской диалектной речи присутствуют обозначения этносов, информация и представления о которых связаны с разными историческими событиями, а также с информационными и коммуникативными источниками: *Ашиэ приехали немцы и мяня били, фсе дапрашивали, видел ли я партизан*. Кр. (ПОС 21: 155–157); *Мериканец приехал, говорят*. Гд. (ПОС 1: 63); *Была в Грузии, замуш вышыцы была; и замухам грузинцы, знаиш, ни любят яну*. Дн. (ПОС 8: 51); *А патом тальянцы, американцы, французы приехали, многа их там была*. Дед. (ПОС 13: 356); *Китайцы праяжжуют на пути рас баразду*. Гд. (ПОС 14: 156) и др.

Таким образом, самоопределение этносов, проживающих на территории псковской области и имеющих представления о других, соседствующих этносах, позволяет рассматривать слова-этнонимы, употребляемые для номинирования этносов в пограничном дискурсе, учитывая этническую, конфессиональную, культурную, языковую соотнесенность.

Человек осознает себя как часть определенного этноса, а других людей идентифицирует по одному из существенных для языкового сознания признаков – признаку этничности. По словам Т. А. Сироткиной, под этничностью «обычно понимают присущие только данному сообществу людей язык, менталитет, моральное и духовное наследие, знание об этногенезе и особенностях этнокультурного развития» (Сироткина 2008: 116–117). Следовательно, наличие этнонима у определенного сообщества людей служит неким маркером для их самоидентификации и принадлежности к конкретной исторической общности.

Лексический материал псковских говоров позволяет рассматривать обнаруженные этнонимы как поле, представляющее собой иерархическую структуру этнонаименований, объединенных общей семой, которая содержит в себе этнический компонент. Лексические единицы этнонимического поля связаны между собой системными отношениями, характеризующимися наличием ядерно-периферийного положения по отношению к стержневому этническому компоненту.

Полное соответствие статуса этнонима обнаруживается в собственно названиях определенных этносов: *русские, латыши, эстонцы, немцы* и др., упоминание о которых связано с рядом языковых и внеязыковых причин, характеризующихся наличием территориальных, конфессиональных, религиозных и других связей местного населения. Они составляют ядро псковского этнонимикона. В приядерной зоне располагаются различные виды отэтнонимных образований: субстантивы, адъективная, адвербиальная, глагольная лексика, этнотопонимы, ксенономинативы и т.д. Они имеют те же этноосновы, что и соответствующие этнонимы, однако не содержат обобщенного значения, характеризующего представителя определенного этноса. Рассматриваемые этнонимические дериваты содержат

непосредственное и регулярно воспроизводимое указание на связь с соответствующим этнонимом.

Таким образом, создаются целые ряды этнонаименований, при образовании которых используются единые принципы номинации и общие деривационные модели, которые реализуются в оппозициях по смысловым маркерами: единичности / собирательности (*латыш / латышня, латышняк, латышьё*); по гендерному признаку (*германец / германка, чухонец / чухонка, полуверец / полуверка*), по возрастной соотнесенности (*латышок, евренёнок / еврейночек, полувернята, чухнёнок / чухнята, китаята*).

Выявленные дифференциальные признаки в деривационных блоках этнонаименований образуют достаточно устойчивую систему от этнонимных дериватов в псковской диалектной речи, которая в целом раскрывает стереотипное восприятие явлений чужого культурного пространства на фоне своего, выражающегося в наличии бинарных оппозиций, связанных с социальными категориями: «свои – чужие», «мы – они», по словам А. И. Грищенко и Н. А. Николиной, имеющими онтологический статус, причем «чужое» изначально маркировано отрицательно (Грищенко, Николина 2006: 178).

Следовательно, этнонимы, называющие представителей этносов, которые исторически были связаны с приграничной территорией Псковской земли, достаточно надолго укрепились в сознании людей. На протяжении многих столетий границы Псковской земли менялись, что влияло на государственную отнесенность, политическое устройство, языковые контакты, поэтому этнолингвистическая идентичность зависела от многих факторов и не всегда определялась действительной этнической принадлежностью. Большая часть информации об этносах, проживающих на соседствующих землях, сохраняется в системе этноминаций, которые, в свою очередь, трансформировались в достаточно строго выстроенную семантико-деривационную парадигму, дающую возможность обнаруживать исторические и культурологические связи между целым рядом коллективных наименований. Количество наименований, частотность функционирования употребляемых диалектоносителями этнонимов в псковских говорах основаны на соотношении частоты воспроизведения в устной речи самой темы этноконтактов и локальных особенностей их протекания.

Литература

1. Грищенко, А. И., Николина, Н. А. (2006) Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды. В: Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография. Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа, вып. 20. Екатеринбург: УрГУ. С.175–187.

2. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (КПОС) (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета).

3. Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС, выпуск, страница) 1967–2015 (издание продолжается). Вып. 1–25. Ленинград (Санкт-Петербург): ЛГУ (СПбГУ).

4. Сироткина, Т.А. (2008) Категория этничности и локальная картина мира. В: Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение, вып. 20, №12 (113). С. 116–120.

Abstract. The study is devoted to the consideration of ethnonyms used on the territory of the border region (the Pskov region). Dialect lexical material in the Pskov dialects allows to identify the cultural, geographical, historical and linguistic ties between neighbouring ethnic groups. Identified the oppositional model of ethnonyms actively engage in semantic-derivational relations between them, forming ethnonymic field. Anonymousone used for naming the ethnic groups, reveal the specifics of ethnic, religious and cultural relations between the border territories in which they live.

Key words: ethnonym, Pskov ethnonymicon, ethnonymic field, systematic relation, the border discourse.

TED Talks as a Tool for Developing Monologue Speech Skills

Valeria Konygina

ПсковГУ,

*факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Педагогическое образование с двумя профилями», V курс*

Abstract. Today the necessity to apply various modern technologies for teaching monologue does not give rise to doubts. In this work we consider applying the website TED.com as one of the tools for developing monologue speaking skills. TED.com is a source of video records of public speeches on various subjects produced by thinkers from different parts of the world. Each TED Talk is an explicit monologue lasting for 2-18 minutes. In this work we propose the techniques and lesson scenarios which result in producing explicit monologues by students on their own.
Key words: teaching monologue, talk as performance, speech models, TED Talks, algorithms.

Today the problem of teaching monologue at EFL lessons is getting more topical. Students' participation in project activities, which include oral presentations, claims developing speaking skills as a whole and monologue skills in particular. Moreover, monologue speech is the monitoring object at the international tests and at the Unified State Examination in Russia. All these reasons condition the necessity of using new modern instruments and technologies for monologue teaching.

The **general objective** of our research is to work out methodological recommendations for using TED-technology for developing monologue speaking skills. Our **specific objectives** include: to study the essence of the notion "monologue speech", aims and ways of developing monologue speaking skills; to consider electronic resource TED.com from the point of view of its application for monologue teaching; to summarize the practical experience of TED Talks application at EFL lessons; to organize experimental teaching using TED-technology.

According to Prof. Vinogradov, monologue is an organized type of speech which is a product of individual construction and implies continuous utterance of a person, addressed to the audience (Виноградов 1963: 18).

Prof. Solovova singles out the following characteristics of monologue:

1. goal-orientation;
2. cohesiveness;
3. logicality;
4. completeness;
5. independence;
6. expressiveness (Соловова 2002: 239).

In foreign language teaching methods there are two distinguished approaches to monologue teaching, namely "bottom-up" and "top-down" approach. In spite of the differences both of these approaches imply reaching the productive level that is producing monologue utterances by students on their own. This is also preconditioned by psychological development of a senior school student: his way of thinking becomes of more emotional and personalized character. Intellectual

development of a student manifests itself in willingness to generalize. So, the final product of teaching is of great importance.

In our research we consider public speech as a final product of developing monologue speaking skills. According to the functions of speaking described by Gillian Brown and George Yule, Prof. Richards in his book "Teaching Listening and Speaking: From Theory to Practice" distinguishes 3 types of speaking: talk as interaction (which refers to what we normally mean by "conversation" and describes interaction that serves a primarily social function), talk as transaction (which refers to situations where the focus is on what is said or done) and talk as performance (which refers to public talk, that is, talk that transmits information before an audience) (Brown, Yule 1983: 11) (Richards 2008: 21). Comparing these types of speaking with those traditionally distinguished in Russian teaching methods we can say that talk as interaction and talk as transaction correspond to a dialogue and talk as performance corresponds to a monologue. However, we should say that these correspondences are rather relative as in everyday life we deal mostly not with pure dialogues and monologues but with their constant interchanges.

So, Prof. Richards defines performance as a public talk which often follows a recognizable format. He singles out the main features of talk as performance:

1. a focus on both message and audience;
2. predictable organization and sequencing;
3. importance of both form and accuracy;
4. language is more like written language;
5. often monologues (Richards 2008: 28).

On this basis, the necessity to apply special methods, techniques and instruments for teaching public speech does not give rise to doubts. Prof. Richards emphasizes the importance of using examples or models of speeches, oral presentations through video or audio recordings or written examples. In our opinion, website TED.com can serve as a source of such models.

TED (Technology, Entertainment, Design) is a global set of conferences run under the slogan "Ideas Worth Spreading". The emphasis is on the educational aspect. Great thinkers from different parts of the world give talks on various subjects: science, art, design, politics, culture, business, global issues, etc. Past speakers include such famous people as Bill Clinton, Bill Gates, Sting, and many Nobel Prize winners.

Having analyzed TED Talks from the point of view of their application for developing monologue speaking skills, we can say that each TED Talk is an explicit monologic utterance lasting for 2-18 minutes. For each talk English language transcripts are available, which help overcome comprehension difficulties. Moreover, it allows students to analyze a TED Talk's structure and get familiar with new vocabulary and grammar patterns.

Due to the wide variety of topics discussed on TED.com, it is actively used at foreign schools for teaching various disciplines including EFL. Thus, for example, website TEDxESL was developed. The site contains English lesson scenarios based on TED Talks. We analyzed the scenarios offered and can make a conclusion that using TED Talks contributes to developing different language skills, including monologue speaking skills. But it should be emphasized that the latter is done indirectly (only by doing such tasks as "discussion" and "mini-debates"). In other

words, producing explicit monologue utterances by students on their own is not the general objective of the lessons. Moreover, TED Talks are never considered as models for producing students' own public speeches. So, in our opinion, the potential of TED Talks as a tool for teaching monologue is not completely realized.

In this research we propose 2 algorithms (see the supplement) we worked out for developing monologue speaking skills using TED Talks. Usage of this or that algorithm depends upon the level of monologue skills students have.

Algorithm 1 is intended for the students, for whom producing their own talks without reproduction of the analyzed TED Talk can cause difficulties. The first stage is aimed at developing listening comprehension skills and includes traditional pre-, while- and after-listening tasks. The second stage (monologue teaching) includes 6 steps. The first one – the analysis of a TED Talk's structure (so called, “deconstruction” of the text), then the analysis of linguistic and extra linguistic means used by the speaker from the point of view of the effect produced on the audience. The next step is eliciting grammar and vocabulary. Here students elicit grammar patterns, clichés, lexical units typical of public speech or those which are of interest for students. Then students practise the elicited grammar and vocabulary. The next step – reproducing the analyzed TED Talk using elicited grammar and vocabulary. The final step is producing talks by students on their own.

Algorithm 2 is intended for the students with well-developed monologue speaking skills. The first stage is identical to algorithm 1. But the second stage is different. Firstly, eliciting grammar and vocabulary is optional. Students do this only if some grammar patterns or lexical units are of great interest for them. But the most important difference is absence of such a step as reproducing the analyzed TED Talk. So, students are able to produce their own talks omitting the reproduction level.

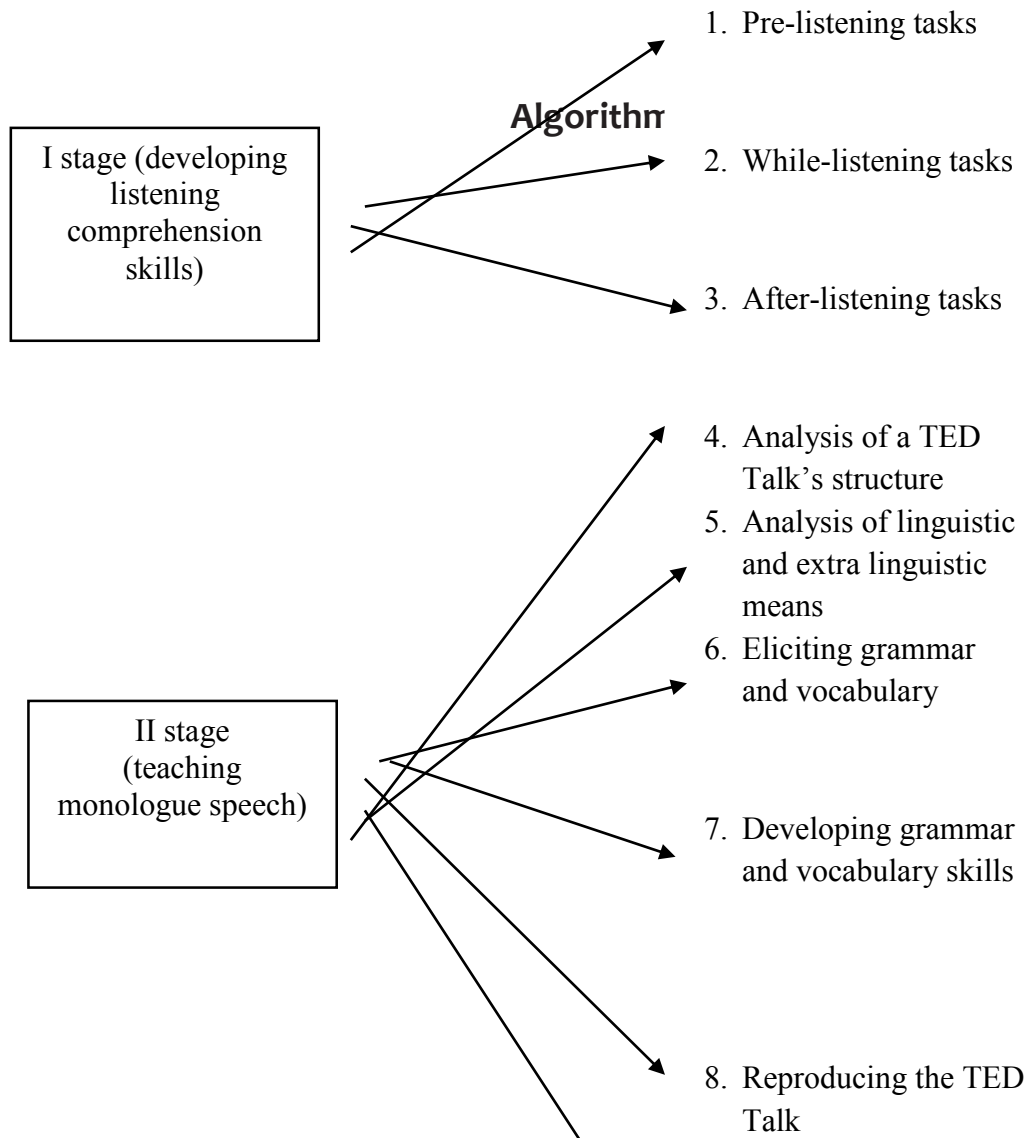
Algorithm 2 was used for experimental teaching conducted in spring 2016. The first year students of the Faculty of Russian Philology and Foreign Languages were working with the TED Talk “Happy maps”. For their own speeches they were offered the topic: “My idea for more interesting life”. In a week students presented their own talks. All the talks were quite different. Some speakers placed more emphasis on the idea itself, some – on their own experience, others – on the impressive manner of presentation.

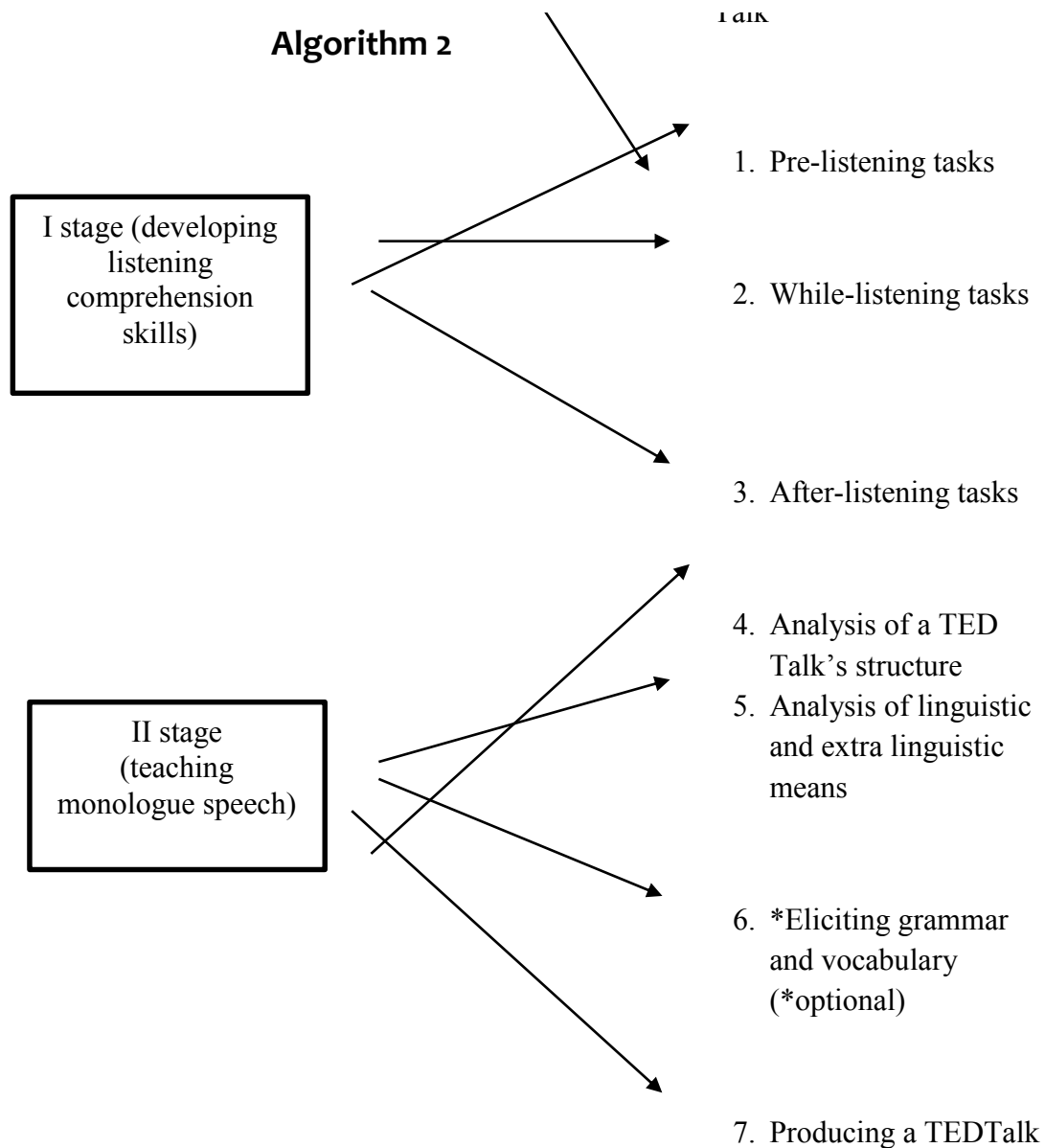
It should be also noted that some students were quite successful and convincing in delivering their public speeches. Their talks were impressive and appealing to the audience, the language was quite accurate. But there were also those for whom giving a talk caused some difficulties (e.g. problems with constructing a talk, grammar and vocabulary problems, and also problems with using linguistic, extralinguistic means and supporting material). So, we can make a conclusion that, probably, for them analyzing only one TED Talk was not enough. Therefore, in our opinion, TED Talks application for developing monologue speech skills should be of systematic nature.

The surveys conducted after the experimental teaching revealed that students found using TED Talks effective for studying the English language as a whole and for developing monologue speaking skills in particular. Students also noted that using TED Talks was quite effective for developing listening skills, for enriching their vocabulary and broadening their mind.

To conclude, the experimental teaching revealed that TED Talks can be an effective tool for monologueteaching. We plan to continue our work onapplying various TED Talks for monologueteaching.We hope that itwill enable students to be more involved into developing monologue skills. We also hope that a set of monologues on different topics produced by students will prove the results of the conducted investigation.

Algorithm 1

References:

1. Brown Gillian, Yule George. (1983). Teaching the Spoken Language. Cambridge: Cambridge University Press. 11 с.
2. Richards Jack C. (2008) Teaching Listening and Speaking From Theory to Practice. New York: Cambridge University Press. 21-28 с.
3. Виноградов, В. В. (1963). Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва: Изд-во АН СССР. 18 с.
4. Соловова, Е.Н. (2002). Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. Москва: Просвещение. 239 с.

Понятие быстроты в традиционной народной культуре и языке (универсальное и региональное в структуре и языковой репрезентации)

Надежда Мартынова

ПсковГУ,
факультет русской филологии и иностранных языков,
аспирант

Резюме. Предметом исследования настоящей статьи является понятие быстроты, играющее огромную роль в бытовой и духовной жизни человека, находящее широкое отражение в лексико-семантической системе языка, что позволяет говорить о понятии быстроты как универсальном понятии, характеризующем реальное и символическое пространство. Изучение признаков слов, объединенных понятием быстроты, на региональном диалектном материале свидетельствует об уникальности восприятия и осмысления носителями языка ценностной смысловой категории.

Ключевые слова: понятие быстроты, признак, смысловая оппозиция, адъективная лексика, коннотация

В результате непрерывного процесса получения информации об окружающей действительности и ее обработки человеческим разумом в сознании носителей языка фиксируется множество ментальных структур (концептуально значимых категорий), через которые можно понять сущность народа, его мировоззрение. При этом главным средством доступа к сознанию человека является язык, выступающий в качестве своеобразного хранителя материальной и духовной культуры народа.

Одной из таких концептуально значимых категорий в сознании носителей языка является понятие быстроты, играющее огромную роль в бытовой и духовной жизни народа (в ее вербальных и невербальных формах) и находящее отражение в традициях, приметах, ценностных установках.

О значимости понятия быстроты свидетельствует, прежде всего, привлечение этнолингвистических данных. Наиболее устойчивыми символами быстроты в народной традиции являлись главные стихии мироздания – огонь (горение) и текущая вода, о чем свидетельствует постоянный эпитет огня и воды *быстрый*. Например, в сербской традиционной культуре в тот день, когда ребенок впервые начал ходить, родственники бросали в огонь охапку дров с пожеланием, чтобы он так же резво ходил, как быстро горят поленья. Символическое значение огня переносилось и на некоторые обжигающие растения (колючие и жгучие); в некоторые праздники домочадцев будили ударами крапивы, чтобы они были расторопными в течение года. Подобным образом осмыслялись и свойства быстро текущей воды: к ней бегали умываться, чтобы ловко и быстро справляться с работой; ею поливали бахчевые культуры для быстрого созревания; лили вслед ребенку, впервые отправившемуся обучаться ремеслу, чтобы у него спорилось дело (Морозов 1995: 281–282).

Кроме того, в народной традиции наблюдается параллелизм между двумя стихиями (несмотря на их явное природное противопоставление):

чтобы быстро шла работа, первое изделие обучающегося ремеслу сжигали или бросали в воду, чтобы в дальнейшем работа шла легко, как течет вода (Виноградова 1995: 388).

В ряде случаев быстрота передвижений и действий вызывалась необходимостью уложиться в определенный срок, ограниченный отрезок времени (ср.: одно из значений прилагательного *быстрый* в современном русском языке «совершающийся, протекающий, происходящий в короткий промежуток времени»¹). Так, во время церковного перезвона спешили обвязать все плодовые деревья в саду или потрясти их для хорошего урожая (Морозов 1995: 281).

Признак *быстрый*, связанный в народных представлениях с жизненной силой, активностью, здоровьем, первенством, преуспеванием (Морозов 1995: 280), сквозь призму времени не утратил свою значимость и ценностную составляющую. Человек постоянно выполняет массу разнообразных движений, бытовых и производственных действий, проявляя физические качества, которые даны ему от природы или которые он развил в себе (быстрота, живость, проворность); за многими явлениями окружающей среды человек в процессе познания действительности также закрепляет связанные с быстротой признаки (скорость ветра, течение реки и пр.). Речевое поведение, ментальные процессы также могут быть охарактеризованы с помощью данного признака. При этом быстрота понимается не только как большая скорость, стремительность движения кого-либо, чего-либо², но и как важнейшая характеристика объектов окружающей действительности, как источник физической сноровки, активности, энергичности, резвости, ловкости.

Приведенные факты определяют интерес к отражению понятия быстроты в языке как универсального понятия, характеризующего реальное и символическое пространство, включающего большой объем знаний носителей языка.

Исследование понятия быстроты на региональном материале позволяет отразить нечто уникальное в его осмыслении человеком, поскольку диалектная речь, связывая прошлое и настоящее, в большей степени способна сохранять культурную память народа.

Объектом исследования в настоящей работе является группа прилагательных с общим значением быстрого или медленного движения. Ядерным лексическим репрезентантом культурно значимого понятия выступает смысловая оппозиция *быстрый / медленный*. Вокруг каждого из членов смысловой оппозиции в русском литературном языке и народных говорах формируется свой ряд признаков слов со сходной семантикой, содержащий значительное число единиц.

Адъективный ряд, репрезентирующий понятие быстроты, выявлен путем сплошного обследования «Псковского областного словаря с историческими данными»¹ и его картотеки². Носителями данных признаков с центральными репрезентантами *быстрый / медленный* являются живые предметы окружающего мира (человек, животные), натурфакты (природные явления, объекты), артефакты.

1 *Большой академический словарь русского языка* (2005) Т. 2. Москва, Санкт-Петербург: Наука. С. 290.

2 *Там же*. С. 289.

Выявленная множественность наименований данных признаков как уникальное ментально-языковое явление отражается в высказываниях в «нанизывании», уточнении, детализации того или иного признака самим диалектоносителем: *Ма́я хазя́йка ла́поваята така́я, и́дёт – за фсе́ зацапля́ицца, ни крута́я, ни бы́страя*. Остр. (ла́поваяты́й в значении [медлительный, неуклюжий]³); *Андре́й вёртки́й, живо́й, фсе́ бе́гая бы́стра-бы́стра*. Гд. (вёртки́й в значении [быстрый, подвижный, шустрый]⁴).

Существенным в осознании понятия быстроты представляется исследование адъективов через противопоставление членов ядерной смысловой оппозиции. Кроме того, исследование диалектных высказываний позволяет выявить факт создания носителем языка собственных противопоставлений признаков слов с подразумеванием причин, способствующих быстрому движению, проворности, ловкости, живости: *Она́ така́я то́лстая, ниворо́чистая, а я ле́пкая*. Стр. (ле́пкий¹ (вар. ле́пкий) в значении [ловкий, быстрый]⁵). Таким образом, формируется оппозиция признаков толстый – лепкий. При этом встречающееся в диалектной речи прилагательное лёгкий (в значении [обладающий незначительным весом]⁶) вместе с прилагательным лепкий составляет оппозицию признаку толстый и, включая в себя семантику быстроты, входит в ряд адъективных репрезентантов понятия быстроты: *Вот вы́вел меня́ ате́ц паха́ть, а ло́шата́ была́ ле́жкая, бе́гала бы́стра, а я збо́ку шла и гляде́ла*. Гд. (ле́гкий в значении [передвигающийся с большой скоростью, быстрый]⁷). Интересным представляется в диалектной речи и противопоставление признаков отлогий – крутой, характеризующих манеру говорения: *Атло́гий разгаво́р – эта́ растяжно́й, круто́й – эта́ гаварят о́чень бы́стра, чя́ста*. Остр. (отло́гий в значении [медленный, протяжный]⁸). Данный пример наглядно демонстрирует различия в значении слов частоговорка и чистоговорка, зафиксированных в словаре В. И. Даля.

В качестве источника значения быстроты в сознании диалектоносителей может подразумеваться и упомянутый выше образ огня, символизирующий стихию света и тепла, источник жизни (Белова, Узенёва 2004: 513), например, у прилагательных горячий, огневой: *Гаря́чая ло́шата – э́та бы́страя, а што́ э́ле и́дёт – то ляна́я*. Оп. (горя́чий в значении [полный энергии, резвый (о лошади)]⁸); *Агне́вая, бы́страя на де́ло*. Оп. (огнево́й в значении [подвижный, деятельный, работающий]⁹).

3 Псковский областной словарь с историческими данными (1967–2016). Вып. 1–26. Ленинград (Санкт-Петербург): ЛГУ (СПбГУ).

4 Картоотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при СПбГУ)

5 Псковский областной словарь с историческими данными (2004). Вып. 16. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 500.

6 Псковский областной словарь с историческими данными (1976). Вып. 3. Ленинград: ЛГУ. С. 97.

7 Псковский областной словарь с историческими данными (2004). Вып. 16. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 601.

8 Там же. С. 542.

9 Псковский областной словарь с историческими данными (2004). Вып. 16. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 544.

В псковских говорах встречаются также прилагательные, которые объединяют в своем значении быстроту, связанную не только с хозяйственной деятельностью, но и с ментальной, что позволяет положительно охарактеризовать носителей данных признаков: *Ну, тот и цилавёк крутунный и на дёли и языком даймё*. Палк. (*крутунный* в переносном значении «отличающийся быстротой движений, действий, реакций, быстро и хорошо работающий, мыслящий и говорящий»¹⁰).

Стоит отметить, что в сознании носителей языка понятие быстроты через противопоставление признаков может оцениваться по-разному.

С одной стороны, быстрота и сопровождающие ее живость, энергичность, ловкость в различных видах трудовой, хозяйственной, бытовой жизнедеятельности человека получают позитивную оценку, если работа имеет положительный результат или выполняется хорошо: *Крутая, эта крута работае, харашо*. Гд. (*крутой* в значении «который быстро и со сноровкой работает»¹¹). Медлительность, проявляемая в работе, как правило, оценивается отрицательно: *Там на почте зандатые какие-то работают*. Стр. (*зандаты* в значении «медлительный, неповоротливый»¹²); *Яна доярка, такая нискобая*. Гд. (*нескорый* в значении «медлительный, неповоротливый»¹³).

С другой стороны, выполнение какого-либо действия в быстром темпе может негативно повлиять на качество и результат работы. Тогда отдается предпочтение медленному движению: *Ой, эта копъстная работа; вышивать – копостнъя работа, трут нада прилажить, ня быстро, штоп была хърашо*. Печ. (*копостный* в значении «требующий большого труда, времени, кропотливый; утомительный»¹⁴).

В ходе исследования диалектного материала встречаются и такие прилагательные, которые в зависимости от своего значения могут быть оценены как положительно, так и отрицательно, например, как признак *мешкотный*: *Мешкатна вы больна, уж скоба и машына в горат удёт*. Печ. (*мешкотный* в значении «медлительный, неторопливый; нерезвый»); *Робота тожэ ни тяжолая, только мешкотная*. Гд. (*мешкотный* в значении «кропотливый, требующий тщательности, неспешности при исполнении»¹⁴).

Таким образом, понятие быстроты как ценностная смысловая категория представляет собой универсальное понятие, характеризующее реальное и символическое пространство. Об этом свидетельствуют данные этнолингвистики, наличие большого объема языковых репрезентаций, длительная история формирования понятия, что подтверждается рядом работ Ж. Ж. Варбот по этимологии прилагательных со значением «быстрый» (Варбот 1997, 1998). Изучение признаков слов, объединенных семантикой быстрого или медленного движения, на региональном диалектном материале позволяет

10 Псковский областной словарь с историческими данными (2013). Вып. 24. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 123.

11 Псковский областной словарь с историческими данными (1986). Вып. 7. Ленинград: ЛГУ. С. 144.

12 Псковский областной словарь с историческими данными (2011). Вып. 22. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 516.

13 Псковский областной словарь с историческими данными (2004). Вып. 16. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 257.

14 Там же. С. 254.

сделать вывод об уникальности восприятия и осмысления носителями языка культурно значимого понятия.

Литература

1. Белова, О. В., Узенёва, Е.С. (2004) Огонь. В: Толстой, Н.И. (ред.) Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. III. Москва: Международные отношения. С. 513–519.
2. Варбот, Ж. Ж. (1997) К этимологии славянских прилагательных со значением «быстрый». В: Этимология. 1994–1996. Москва: Наука. С. 35–46.
3. Варбот, Ж. Ж. (1998) Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира). В: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998 г.). Доклады российской делегации. Москва: Наука. С. 115–129.
4. Виноградова, Л. Н. (1995) Вода. В: Толстой, Н.И. (ред.) Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. I. Москва: Международные отношения. С. 386–390.
5. Морозов, И. А. (1995) Быстрый, быстрота. В: Толстой, Н.И. (ред.) Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. I. Москва: Международные отношения. С. 280–282.

Abstract. The object of the study is the notion of Quickness, which is very important for household and spiritual life of a person and which is diversely presented in the lexical-grammatical system of the language. The notion of Quickness thus may be interpreted as a universal notion characterizing both real and symbolic space. The study of attributive words unified by the notion of Quickness within regional material proves that this axiological category is perceived and comprehended by native speakers in a unique way.

Key words: notion of quickness, attribute, semantic opposition, adjective lexemes, connotation

Открытые границы и социально-политические риски: хронотоп современных русских антиутопий

Бахтияр Рзаев

*Латвийский университет,
магистрант*

Резюме. В данной статье предпринимается попытка доказать возможность рассмотрения особенностей хронотопа новейшей русской антиутопии с точки зрения раскрытия границ и сопутствующих этому социально-политических рисков с последующим обоснованием возможности включения раскрытых границ в хронотопе новейшей русской антиутопии в ряд жанрообразующих признаков современной русской антиутопии. Доказательства приводятся на основе антиутопических романов А. Волоса «Маскавская Мекка» и Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери».

Ключевые слова: открытые границы, современная русская антиутопия, хронотоп, социально-политические риски.

Одним из жанрообразующих признаков антиутопии является специфика ее хронотопа. Так, традиционно он характеризуется замкнутостью, нередко кольцевой структурой и разделением на уровни — горизонтальные или вертикальные — (как правило — ложный) рукотворный «рай земной», застывший в устремлении в будущее, и сохранившийся неизменным мир старого порядка. Таким образом, антиутопия чаще всего отличается замкнутыми границами, наиболее наглядно проявляющимися в ее пространственно-временной организации, хотя и не ограничивающимися этим планом (см. Ланин 1993, Ланин 2014). Новейшая русская антиутопия, наследуя классическую схему антиутопического хронотопа, видоизменяет некоторые аспекты ее таким образом, что можно допустить открытость границ как один из свойственных новейшей русской антиутопии жанрообразующих признаков. Хронотоп антиутопии связан с социально-политическим строем изображаемой внутритекстовой действительности, основанной на допущении претворения в жизнь некоего социального проекта-утопии: «Антиутопия, дистопия, негативная утопия – изображение (обычно в художественной прозе) опасных, пагубных и непредвиденных последствий, связанных с построением общества, соответствующего тому или иному социальному идеалу» (под ред. Кожевникова 1987: 29). Таким образом, уместно говорить о связи открытия границ и возникновения определенных социально-политических рисков как следствия.

Глобализация и борьба за основные права человека, в числе которых свобода вероисповедания и равенство по религиозному и национальному признаку не оставили равнодушными алармистов, что привело к известной тенденции в новейшей русской антиутопии (романе-предупреждении) изображать мироустройство, исковерканное неумелым воплощением в жизнь этих идей. Примером могут служить такие романы, как «Маскавская Мекка» А. Волоса (2004 г.) или «Мечеть Парижской Богоматери» Е. Чудиновой (2005 г.), которые будут использованы далее в качестве образцов. Стоит заранее оговориться,

что радикальность точек зрения, представленных в данных текстах, делает их исключительно наглядными, что и послужило главной причиной их выбора.

Рассматриваться будут особенности пространственно-временной организации на двух основных уровнях: макро- и микро-организации; макроуровень будет представлен наиболее общим, глобальным (территории государства и города, общее историческое внутритекстовое время и т.д.) хронотопом антиутопического внутритекстового мира, микроуровень будет представлен в данном случае т.н. пространством и временем отдельно взятого человека в аспекте его личностного уединения, или *privacy*, точнее — отрицании такового, что есть один из основополагающих признаков антиутопии по Жолковскому (Жолковский 1994: 172). Также с точки зрения открытия границ в наиболее общих чертах будет рассмотрен и языковой аспект внутритекстового пространства новейших русских антиутопий.

Наиболее очевидным оказывается вскрытие границ физических в макроплане, а именно — границ национальных государств, изображаемое разными авторами несколько по-разному, но сохраняющее общую суть вне зависимости от формальной реализации. Самым радикальным вариантом, предлагаемым писателями-антиутопистами, становится полная ликвидация старых границ национальных государств с последующим их объединением в общую территориально-административную единицу, как минимум претендующую на глобальность. Так, в «Маскавской Мекке» Волосом изображается мир неопределенно-недалекого будущего, до некоторой точки во времени походивший на внетекстовую реальность примерно до границы XX — начала XXI века, после чего произошел стремительный, форсированный процесс глобализационного характера, обозначенный в тексте как «Великое Слияние», одним из следствий которого стало образование государственного формирования «Евроштаты», предположительно простирающегося от Европы через бывшую территорию России до как минимум северо-западной части Пакистана, города Исламабад. Объединение ввиду полного снятия границ с целого ряда национальных государств позволяет представителям самых разных менталитетов, вероисповеданий и этносов свободно перемещаться на новые территории, тем самым взаимно смешиваясь между собой. Подобное смешение народов в условиях всеобщего равенства, наступившего после Великого Слияния, ведет к взаимной ассимиляции и стирает самосознание членов общества, делая из коллектива, образованного множеством отличных друг от друга элементов, однородную массу обобщенных, усредненных по всем показателям объектов. Так, в антиутопии Волоса произошло полное смешение не только народных масс, в результате чего в тексте не делается никакого различия между персонажами разных этносов ни в плане поведения, ни мыслительных категорий (пролетарии Фаридка и Володька Бабец в тексте почти ничем не отличаются, кроме телосложения). Однако, в обществе, где принципы этнической или иной, отнесенной к родственности, общности уже практически не действуют, процветает власть последнего стратификатора — денег, цензора, определяющего единственный возможный принцип категоризации людей в безнациональном обществе: «Говорят, если сунуть чиновнику двадцать дирхамов, он не задает никаких вопросов. Курд, русский, чеченец, казах, таджик, табасаранец — без разницы. Плюстик в ведомость — и в первый список. А уж из перво-

го списка до работы рукой подать...// —Зачем мы пережили ужасы Великого Слияния? — надсадно кричал чернявый. — Чтобы теперь подышать с голоду? Для чего погибали наши отцы? — чтобы у детей никогда не было работы? Они говорят, что теперь все равны!.. мир счастлив!..» (Волос 2004: 2). Более того, некогда национальные символы сплетаются и взаимно проникают один в другой: автомобилестроительный концерн Форда, символ американского духа и идеи национальной самодостаточности, объединяется с арабской традицией, превращаясь в «Маскавской Мекке» в символического кентавра: «Он глядел в спину Фитилю. Фитиль шагал к черному «форду-саладину». Бабец потоптался. Потом с кряхтением сел на брусчатку» (там же:139). Фитиль и Бабец — два имени, символизирующих, по сути, противоположные культуры, неразрывно слились, лишившись своей уникальности и полностью потеряв прошлое значение (символ западного «селф-мейд мен» и просвещенного арабского мыслителя и полководца оказываются десакрализованы).

В новейшей русской антиутопии встречается также и другой вариант открытия физических границ, скорее фактический, чем формальный. Так, у Чудиновой в «Мечети...» открытие границ Европейских государств для эмигрантов из стран Ближнего Востока приводит к постепенному росту диаспоры с последующей исламизацией Европы, при этом юридически государства сохраняют за собой автономию и суверенитет, однако радикально настроенная политическая элита фактически преследует общую политику нового халифата, или Евроислама, как это определено в романе самими героями: «Образованные, с европейским лоском, весьма удачно орнаментирующим мусульманский быт, они захватывали все больше влияния, опираясь в том числе на толпы невежественной бедноты, для которой настужь распахнули ворота границ. Они думали, что лет через сто Европа просто проснется в одно прекрасное утро полностью исламской и даже никто не заметит, какое утро будет именно этим» (Чудинова 2005: 30). В результате такого взаимодействия культур, по мнению автора, наиболее вероятен вариант агрессивной ассимиляции одной культуры с другой, представители которой окажутся более активно настроены, тем самым одна из культур будет поглощена другой и фактически перестанет существовать. Однако в том же романе представлен и другой вариант развития событий, предполагающий относительно добровольное, пусть и вызванное обстоятельствами открытие границ одного государства для другого с целью обеспечения патронажа: «Знаменитый пакт от 5 мая 2034 года поверг бывший соцлагерь в неистовство. Впрочем, и старая Европа впала в оторопь, увидевши в одно прекрасное утро русские войска на германской границе. //Понятное дело, Польша не воспылала вдруг любовью к России, но просто в очередной раз показала себя реалисткой. Без русского военного присутствия вооруженное вторжение в Польшу евроислама было бы лишь вопросом времени. Но и России хотелось отодвинуть от себя подальше границы евроислама. Лучше иметь между ним и собой страну-буфер, чем граничить прямо. Всего лишь взаимная выгода двух стран...» (там же: 32). Подобный симбиоз государств, в представлении автора, не влечет за собой незамедлительного ассимилирования одной культуры с другой, а предполагает сосуществование с минимальным уровнем изменений или сохранением прежней динамики взаимного влияния.

Стоит заметить, что аналогичный вариант развития событий затрагива-

ется и в романе А. Рубанова 2009 года «Хлорофилия», где часть незаселенных земель на территории России сдается в аренду Китаю для размещения сельскохозяйственных предприятий и рабочей силы. Арендная плата, взимаемая с Китая за эти услуги, далее распределяется по счетам чипированных граждан России (которых, ввиду катаклизма, осталось довольно мало), что приводит к гипертрофии культуры потребления среди граждан России. Впрочем, у Рубанова открытие границ и сопутствующие этому социальные риски не играют столь же значимой роли, как, например, у Волоса или Чудиновой, но в то же время проявляются достаточно отчетливо. Можно говорить о стабильном присутствии данного явления в хронотопе новейшей русской антиутопии и возможности причисления его к ряду жанрообразующих признаков новейшей русской антиутопии.

Одним из важнейших, сопутствующих открытию физических границ, факторов авторы новейших русских антиутопий полагают изменение в религиях стран, раскрывших свои границы. Наиболее гуманным, на первый взгляд, вариантом, является амальгамация нескольких вероисповеданий и образование общей религии, зачастую путем произвольного набора признаков и атрибутов нескольких религий-субстратов: «Великое Слияние завершилось! Несчастья позади! Ура!— мы наконец-то уяснили: Бог един! Турок ты, грек, араб, православный, буддист, мусульманин — неважно! Верь, если верится! Молись! Живи!...» (Волос 2004: 68-69); «Верхнюю плоскость сооружения украшали семь небольших храмов — по числу конфессий, упомянутых в Хартии Великого Слияния. Православная церковь, мечеть и пагода занимали ее центр, прочие лепились по краям» (там же: 55). Причем набор может быть индивидуальным у каждого отдельно взятого верующего: «Близилась пора вечернего намаза, и Найденов, проходя мимо резных дверей мечети, наспех перекрестился» (там же: 32). Подобное смешение конфессий, по сути, ведет к их разрушению через дробление на составляющие и их частичную или полную десемантизацию ввиду отъединения их от идей, которым они служили, утрате их (религий) индивидуальной самоценности и, как следствие, разрушает культуру, частью которой они являлись. Не менее опасным с точки зрения социально-культурных процессов оказывается и вариант событий, описываемый в романе Чудиновой. Так, в Европе, где власть перешла к арабской диаспоре, постепенно ставшей мажоритарной этнической группой, укрепляются и позиции ислама — сперва на уровне пропагандируемой мировым сообществом религиозной терпимости и равноправия, позже — перерастая в угнетение иных вероисповеданий под предлогом оскорбления ими и их атрибутами религиозных чувств мусульман. В «Мечети...» допускается сценарий, при котором привнесенная, изначально не свойственная данной культуре религия вытесняет коренное вероисповедание, занимая его место (в данном случае автором изображается исламизация традиционно-христианской Европы), становясь проводником для все большего числа заимствований из чужой культуры, вытесняя и замещая собой прежнюю культуру: «И ведь что самое обидное, сколько по соседству жило всякого дурачья, которое начинали обращать. (..) Когда имам Абдольвахид наконец зашел в их дом с «Поучением для приверженцев сунны» под мышкой, радость его была неподдельной. (..) И вышло как в сказке: имам счел его обращение собственным триумфом, сам хлопотал по бюрократической части о многоо-

бещающем юноше» (Чудинова, 2005: 61). Привнесенная религия, особенно строго регламентирующая жизненный уклад и повседневный быт, способна коренным образом изменить мышление и культурные нормы общества, тем самым разрушая его прежнюю культурную модель и заменяя ее новой, разрушая прежнюю национальную и культурную самоидентичность перенимающего общества. Так, например, в романе Чудиновой об этом процессе рассуждает конвертит (этнический француз, в детстве обращенный из христианства в ислам): «Да, но какое будущее он готовит для своих детей? Он – не такой, как они, Асет не такая, как они. Но дети, дети растворятся в них, как ложка растворимого кофе в крутом кипятке. Его внуки сделаются ими. Уступая, нельзя остановиться» (там же: 95).

В новейшей русской антиутопии открытие границ на макроуровне приводит к деформации и/или разрушению национальных формирований и национального самосознания коллективов и отдельных индивидов, причем значимое место в этом процессе занимает смена религиозного устройства общества.

Обращаясь к микроуровню, следует, прежде всего, обратиться к частной (личной) топике. Так, следуя канонам традиционной антиутопии, новейшая русская антиутопия изображает мир, в котором человек нигде не может укрыться от контроля со стороны власти (прямого или опосредованного), даже в пространстве собственного жилья — исконно личного, интимного физического пространства. Границы личного пространства отдельного индивида открываются обществу (посторонним), частично перенявшему от государства полицейскую функцию (см. Воробьева 2011 и Жолковский 1994). Человек оказывается на виду у всех, и государство не обеспечивает неприкосновенность личной жизни, наоборот, это предоставляется зачастую скудным возможностям самих людей. Это наглядно демонстрируется, например, у Волоса в описании мер, предпринимаемых олигархами для охранения наземного и воздушного пространства своей частной собственности: «Глазеть-то, собственно говоря, не на что: глухие стальные ворота. Поверху — хромированная решетка, отвесно уходящая в темноту. Там она загибалась и, продолжаясь, закрывала двор сверху, защищая от несанкционированных визитов ситикоптеров (винтокрылый летательный аппарат — прим. мое)» (Волос 2004: 23). До гротеска эту тенденцию возводят в «Хлорофилии», где половина россиян добровольно устанавливает в своих квартирах десятки видеокамер, участвуя в проекте «Соседи» (аналог передачи «Дом 2»), позволяющем каждому желающему круглосуточно в прямом эфире наблюдать жизнь своих сограждан, что приводит к необратимым психологическим изменениям: паранойе, постоянной игре на публику, стремлению эпатировать зрителей для поднятия своего рейтинга и т. д. Однако и собственно полицейский аппарат не изжит в новейшей русской антиутопии, и государственный контроль внедряется в виде доносчиков и штатных осведомителей в дома мирных жителей, как это, например, изображено в «Мечети...» Чудиновой: «Ты превосходно знаешь, что прислуга в домах конвертитов получает второе жалованье. В Первом отделе на их же службе. // Асет поежилась. Первый отдел, или же Благочестивое Подразделение, имелось в каждом крупном учреждении и занималось шариатским контролем» (Чудинова 2005: 90). Таким образом, даже в собственных домах люди пребывают под надзором государства. Наконец, наиболее скрытно государственная

власть преодолевает границы частной жизни посредством непрямого контроля быта граждан. Волос, например, изображает мир, где основные потребности человека (коммунальные услуги) удовлетворяются по дебетной модели, предполагающей строгое нормирование заранее приобретаемого количества услуги в противовес более гибкой и ныне практикуемой практически повсеместно кредитной модели оплаты подобных услуг: «На полочке в ванной лежало три жетона. Посовала в счетчик. Загорелись зеленые циферки: 18. Восемнадцать литров. Отлично. Только не надо транжирить. Переступила падающую на кафель одежду, пустила воду — не очень тонко, но и не слишком толсто. Пока стояла под душем, думала об одном и том же. Вода все-таки кончилась. Поймала в ладони последние капли и отжала волосы» (Волос, 2004: 47).

Но государство в новейшей русской антиутопии на микроуровне преодолевает также границы личного времени: Жолковский выделял ночь как естественное время, когда человек может отграничиться от остального мира и побыть наедине с собой (см. Жолковский: 1994) или самыми близкими. Однако в новейшей русской антиутопии государство настолько проникает в сознание героев, что преодолевает и эти темпоральные границы, лишая их интимного времени. Проявляется это чаще всего на ментальном уровне: так, в романе Чудиновой один из героев, агент под прикрытием, сам того не замечая, впускает в свое личное время, время отдыха, угнетающий его враждебный режим в виде страха быть разоблаченным, уличенным в мыслепреступлении: «Парижские ночи безлюдны.//Как же отдыхает он в этой тишине, и как хорошо, что он выбрал квартиру на высоком этаже, много выше, чем предписано не иметь окон наружу.(..) // Да, как раз можжевеловой. Две стопки, и вся бессонница как с куста вместе с исторической геополитикой. А закусил бы розовым лепестком сала, прозрачно-тонко отрезанным от брусочка в ржавой перечной корочке. Э, стоп машина! Как сказали бы опять же русские, никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. Даже думать нельзя ни о можжевеловой водке, ни о сале» (Чудинова 2005: 27, 32). Столь же показательна и ситуация, описываемая Волосом в «...Мекке», где герои не могут быть наедине с собой даже во сне, ведь и там их преследует образ грозной, мстительной власти и упоительный, мазохистский страх перед ней: «Сердце ныло. Емельянченко вздыхал, ворочался, поднимался, пил воду, глотал таблетки. Во что превратили его, художника? Грудь болела, сердце стучало, жизнь прошла. В конце концов он кое-как задремал,(..) //— Любопытно! А страх, позвольте спросить, перед чем конкретно?/ — Перед властью,— ответил Евсей Евсеич без раздумий» (Волос 2004: 120, 122).

Открытие границ приводит и к изменениям в языке коллектива-реципиента, если другое сообщество общается преимущественно на другом языке, причем речь идет не о естественных процессах с низкой динамикой проникновения единиц из одного языка в другой с взаимным обменом, а об агрессивном ассимилировании одним языком другого путем форсированного введения в язык-реципиент инородных элементов; процесс аналогичен описанному выше в отношении изменений в религиозном строе. Прежде всего, это заимствования наименований наиболее актуальных для коллектива реалий. Так, в романе Волоса Москва переименована и в сознании всех героев закреплено таджикское название Маскав. Близки предыдущему типу языковых перемен и частич-

ные заимствования в составе «словесных кентавров», обозначающих аналоги существующим/существовавшим реалиям: так, в «...Мекке» встречаются частично образованные от арабского шараб-кола (сироп-кола) и Рабад-центр (деловой центр города). Чудинова изображает перемены в активном запасе языка-реципиента, вызванные появлением в быту чужеродных элементов, имеющих в языке привносящей культуры свои термины: в активном запасе европейцев в «Мечети...» появляются слова из арабских и тюркских языков, вроде кафира, шариата и пр. Также агрессивное взаимодействие культур, по мнению Чудиновой, может привести к переосмыслению имеющихся в запасе одного из языков терминов с возвратом их в активный запас и адаптации к новым реалиям. Например, маки (изначально французские партизаны времен Второй Мировой войны) в романе — название антиисламского движения сопротивления, а гетто становятся местом содержания религиозного меньшинства французских христиан.

Из всего вышеприведенного можно сделать следующие выводы. В новейшей русской антиутопии открытие границ на макроуровне приводит к деформации и/или разрушению национальных формирований и национального самосознания коллективов и отдельных индивидов, причем значимое место в этом процессе занимает смена религиозного устройства общества. Открытие пространственно-временных физических и ментальных границ на микроуровне приводит к дальнейшему уродованию человеческой психики, образованию патологий и самоконтролю со стороны самих же граждан, совершенно подчинившихся государству, не осознавая того. Открытие границ также приводит к зачастую патологическим изменениям и в языковом строе культуры-реципиента, прежде всего вытесняя и заменяя исконную лексику инородными элементами. Присутствие подобных мотивов в ряде новейших русских антиутопий позволяет предположить открытие границ в хронотопе как жанрообразующий признак новейшей русской антиутопии.

Abstract. This article is an attempt to prove the possibility of considering the specifics of the chronotope of modern russian dystopia from the point of view of open borders and consequent social-political threats and proving that open borders in the chronotope of the modern russian dystopia can be considered a genre defining characteristic of the modern russian dystopia. The following modern russian dystopias are used as main examples: Volos's "Mascav Mekka" and Chudinova's "Notre Dame De Paris Mosque"

Key words: open borders, modern russian dystopia, chronotope, social-political threats.

Литература

1. Воробьева А. (2011) Расколотый мир в изображении русской антиутопии XX века. Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX веков. (2011) отв. ред. Ковтун Н.В. С. 218-235.
2. Волос, А. (2004) «Маскавская Мекка», М.: ZebraE. 414 с. (книга скачана в формате .doc, номера страниц приведены по электронной версии) - http://royallib.ru/book/volos_andrey/maskavskaya_mekka.html
3. Жолковский, А. (1994) «Блуждающие сны и другие работы» М.: Наука. «Блуждающие сны». С. 1-247.

4. Ланин, Б. (1) (1993) «Анатомия литературной антиутопии», «Общественные науки и современность». № 5. С. 154-163.- Доступен http://ecsosman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf
5. Ланин, Б. (2) (2014) «Проблемы современного образования» №1, «РУССКАЯ УТОПИЯ, АНТИУТОПИЯ И ФАНТАСТИКА В НОВОМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ» - Доступен <http://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-utopiya-antiutopiya-i-fantastika-v-novom-sotsialno-kulturnom-kontekste>
6. Под. ред. Кожевникова (1987) Литературный Энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия . 750 с.
7. Рубанов, А. (2009) Хлорофилия. М.: Астрель. 320 с. (Издание 2011 года доступно по http://loveread.ec/view_global.php?id=21830)
8. Чудинова, Е. (2005) «Мечеть Парижской Богоматери». М.: Яуза. (книга скачана в формате .doc, номера страниц приведены по электронной версии) — Доступен - http://royallib.com/book/chudinova_elena/mechet_parigskoy_bogomateri.html

Пограничье прозаического и драматического текста на примере инсценировки рассказа А. Платонова «Фро» в Рижском театре русской драмы им. М. Чехова (особенности трансформации прозаического текста в драматургический)

*Милена Симонова
Латвийский университет,
магистрант*

Резюме. Работа посвящена исследованию инсценировки рассказа А. Платонова «Фро» в Рижском театре русской драмы им. М. Чехова. Целью исследования является определение специфики обоих жанров и выявление того, как передаются смысловые уровни рассказа через драму.

Работа делится на две части. В первой рассматриваются основы теории и специфики инсценировки, структура эпического и драматического текста. Делается акцент на особенностях построения текста в двух разных жанрах, выявляются наиболее выраженные их отличия и сходство для более детального дальнейшего анализа. Здесь же обозначены особенности поэтики прозы А. Платонова 1930-х годов, а в качестве примера исследуется рассказ «Фро». Во второй части работы проводится сопоставительный анализ прозаического текста с его сценической версией, поставленной Русланом Кудашовым.

Статья может представлять интерес как для филологов, занимающихся изучением драматургических произведений, созданных на основе эпической литературы, так и для самих драматургов, чтобы иметь представление о различных подходах к тексту, над которым они работают.

Ключевые слова: инсценировка, драма, эпика, композиция текста, сюжет, поэтика А. Платонов, «Фро».

Петербургский режиссёр Руслан Кудашов представил в Рижском русском театре 21 июня 2014 года на заключительном представлении 131-го сезона инсценировку рассказа Андрея Платонова «Фро» (1936 г.).

Если говорить о феномене инсценирования, то наиболее известную трактовку феномена мы находим в работе И.Б. Малочевской «Метод действенного анализа в создании инсценировки» (1988): «Инсценирование – это, во-первых, переработка литературной первоосновы (эпической или документальной прозы и др.) на уровне текста, превращение в литературный сценарий для театра; во-вторых, воплощение этого сценария средствами театра, то есть формирование сценической драматургии» (Малочевская 1988:3).

Сам текст представляет собой многоуровневую систему, поэтому при его анализе необходимо обращать исследовательское внимание на большое количество пластов, чтобы получить наиболее полное представление о произведении. В данном конкретном случае представлена инсценировка, в которой текст, за исключением некоторых отрывков, с точностью прочитывается со сцены, но, в отличие от оригинала, режиссёр распределяет текст автора между отдельными персонажами, заставляя героев рассказывать о себе. То есть мы имеем дело не только с произведениями разных жанров, но и различающимися по смыслу. По этой причине крайне поспешным будет

утверждение о том, что все смысловые пласты произведения были переданы через инсценировку.

В результате анализа выявилось, что сохранились такие важные элементы, как главный герой – «маленький человек», сфера ценностей, играющая важную роль для автора в этот период времени. Помимо этого видны некоторые отсылки к специфике исторического времени (см. Приложение № 1, № 2), учитывается роль музыки, обрамляющей как текст, так и спектакль.

В инсценировке также существуют элементы, кардинально отличающиеся от оригинала. Прежде всего, выявилась ярко выраженная ирония, которая проходит сквозь сюжет пьесы и меняет общее восприятие текста. В связи с этим стоит упомянуть песню «Белла чао» (с итальянского *Bella ciao* – «Прощай, красавица»), звучащую в конце третьего акта. Это народная итальянская песня, которую исполняли участники движения сопротивления в Моденских горах. Её смысл прост и заключается в том, что мужчина уходит на войну, прощаясь с любимой женщиной. Суть происходящего – способность покинуть родного и любящего человека ради человечества.

Исполнение песни бодро и энергично, что придаёт ироническую нотку сцене и настраивает зрителя таким же ироническим образом воспринять отъезд Фёдора. После сцены иронический характер проявляется ещё больше, что контрастирует с атмосферой начала спектакля. Всё, что происходит вокруг Фро, кажется иронией, исключение – её собственные эмоции и переживания.

Ироническая интонация возникает и в седьмом акте – «Танцы». Здесь действие происходит на танцах, куда Фро пришла с подругой, чтобы развеяться от назойливых мыслей. Стоит учитывать, что на сцене, в отличие от прозаического текста, задача режиссёра состоит в визуализации ощущений персонажей. Поэтому мы видим, как Фро сильно прижимается головой к груди диспетчера и давит на неё. Он же отклоняется назад так, будто скоро упадёт. Создаётся комичная ситуация, во время которой героиня, явно соскучившаяся по прикосновению к мужскому телу, не может держать себя в руках и откровенно даёт понять это напарнику.

В четырнадцатом акте «Почта» героиня устраивается почтальоном, чтобы первой проверять письма и обнаружить весточку от Фёдора. Здесь перед зрителем разворачивается последняя ироническая сцена, когда Фро разговаривает с одним из адресатов: «АДРЕСАТ: А может вам выйти за меня замуж – в виде опыта: что получится, может быть, счастье будет, а оно полезно. Как вы на это реагируете? ФРО: Подумаю. АДРЕСАТ: А вы не думайте! Вы приходите ко мне в гости, почувствуйте сначала меня: я человек нежный, читающий, культурный – вы же видите, на что я подписываюсь! Это журнал, он выходит под редакцией редколлегии, там люди умные, вы видите, и там не один человек, и мы будем двое! Это же все солидно, и у вас, как у замужней женщины, авторитета будет больше!.. А девушка – это что, одиночка, антиобщественница какая-то!» (Кудашов 2014: 13). Адресат в этой сцене изображается как гордый павлин (см. Приложение № 3), который пытается своим положением в обществе привлечь Фро и склонить к браку. Приведённый разговор носит иронический характер, т.к. автор явно не солидарен с обществом, в котором развиты подобного типа ценности и понятия о браке как о взаимовыгодном союзе, приносящем пользу обществу.

Что касается последующего развития действия, то ироничность постепенно исчезает. Фро решается на отчаянный поступок и отправляет Фёдору телеграмму с просьбой приехать, так как она в скором времени может умереть.

Далее для того, чтобы выявить опущенные контексты прозы в пьесе, обратимся к немногочисленным, но достаточно значимым отрывкам текста, а также к эпизодам, которые во время переработки рассказа в драматическое произведение приобретают совершенно иную коннотацию. Для удобства анализа опущенные фрагменты можно разделить на несколько категорий, которые непосредственно имеют отношение к авторской интенции и, соответственно, принципиально важны для понимания текста. Это такие категории, как чувства, музыка, природа и семья. Стоит заметить, что все они зависят друг от друга, поэтому и рассмотрение их должно быть параллельным.

Нельзя не учитывать, что эти отрывки также напрямую связаны с такой особенностью эпического текста, как ретардация. О ней наиболее точно пишет Гегель в «Поэтике». Понятие ретардации характеризует способ протекания события. Изображение происходящего в эпическом тексте часто фокусируется на описании реальности или внутреннего состояния субъекта, а, главное, ставит определённые препятствия, которые будут замедлять и усложнять конечное разрешение действия на протяжении всей истории, давая героям проявить себя в различных ситуациях (см. Гегель 1971: 467). В изображении драматического персонажа подобный приём может полностью или частично отсутствовать, что делает его однозначным. По отношению к рассказу и инсценировке «Фро» ретардация имеет сильное влияние на восприятие персонажей как отдельных личностей.

Первая категория – чувства – является основополагающим фактором для изображения портрета главных героев у Платонова. В спектакле чувства в основном не передаются напрямую, а выражаются через такие элементы, как природа и музыка. Уже в третьем акте отсутствует большой отрывок текста, обладающий описательным характером: «(...) росли сосны, слабые голоса каких-то ничтожных птиц напевали последние, дремлющие песни, сторожа тьмы, кузнечики, издавали свои кроткие мирные звуки». Далее после тщетных попыток отца привлечь внимание дочери следует краткая категоричная реплика героини, которая сохранена в пьесе: «ФРО: Папа, ступай ужинать!» (Платонов 1936: 3)⁹, а затем авторский текст, отсутствующий в сценке: «Велела ему дочь, она хотела слушать кузнечиков, видеть ночные сосны за окном и думать про мужа». Исключенные отрывки содержат идеалистическое описание сельской природы, идущее параллельно с тёплыми, любовными воспоминаниями об уехавшем Федоре. Автором явно подчёркивается связь нежных чувств героини к мужу с окружающей её природой.

Когда Фро проводила отца, она решила уйти из дому, и начало её прогулки также опущено в спектакле: «Там играла музыка, потом слышно было, как пел хор затейников из кондукторского резерва: «Ту-ту-ту-ту: паровоз, ру-ру-ру-ру: самолет, пыр-пыр-пыр-пыр: ледокол... Вместе с нами нагибайся, вместе с нами подымайся, говори ту-ту-ру-ру, шевелился каждый гроб, больше пластики, культуры, производство – наша цель!..». Перед нами эпизод, в котором героиня наталкивается на затейников. Здесь она вновь слышит музыку, но уже не

природную, а принадлежащую железному миру. В песне идёт речь о ценностях производственной культуры: паровоз, самолёт, ледокол. Также изображена публика, которая хоть и «мучилась», но не расходилась. Перед нами возникает определённого рода зарисовка того времени. Делается акцент на безликую, однообразную толпу, которая потеряла индивидуальность, но героиня не принадлежит к подобному обществу и уходит.

Продолжая тему чувств и музыки, обратимся к седьмому акту «Танцы» и некоторым вырезанным отрывкам: «(..) Фрося пошла в танце с блаженным лицом: она любила музыку, ей казалось, что в музыке печаль и счастье соединены неразлучно, как в истинной жизни, как в ее собственной душе». Музыка вызывает во Фро широкий спектр эмоций, позволяет как парить в мечтаниях, так и воспринимать реальность через музыкальную призму. Но стоит заметить, что, несмотря на благоприятную для девушки обстановку, она неотступно возвращается к мыслям о Федоре: «(..) но Фросю не волновала эта скрытая ласка, она любила далекого человека, сжато и глухо было ее бедное тело».

В инсценировке потерялся контекст автора, повествующий о внутренних качествах Фро и глубине её связи с любимым человеком. Так же, как и в третьем акте, обнаруживается маленькая, опущенная режиссёром отсылка к историческому времени: « – Что ж, при социализме-то все комнаты такие будут ай нет? – А какие же? Конечно, такие! – сказала Фрося. – Ну, может, немножко только лучше. – Это бы ничего! –согласилась Наталья». В этом фрагменте рассказа имплицитно дано мнение автора о том, что он не видит особого смысла в новом строе. Единственное благоприятное изменение, которое несёт социализм – это чуть улучшенные стены. Из этого следует, что подтекст личного авторского взгляда на историческое время в пьесе частично утрачен.

Еще один опущенный фрагмент рассказа, в котором также ощутима связь Фро с музыкой, обнаруживается в восьмом акте «Мальчик», где героиня слышит губную гармошку мальчика: «Фрося просыпалась сегодня еще темным утром, потом она опять уснула, – и тогда она тоже слышала над собой эту скромную мелодию, похожую на песню серой рабочей птички в поле, у которой для песни не остается дыхания, потому что сила ее тратится в труде».

Героиня сама сливается с образом рабочей птички. Она получает телеграмму от мужа и осознаёт, насколько ей его не хватает, но при этом она с этим ничего не может сделать, кроме как занять своё время домашними делами, работой, и учёбой. Мы наблюдаем уже прямое, а не косвенное взаимодействие Фро с природой, которая является частью ее внутреннего мира и состояния.

Режиссером также опущено описание природы, которое должно было быть в одиннадцатом акте «Волос»: «Фрося открыла окно, легла на большую постель и задремала. Слышно было, как слабо поскрипывали стволы сосен от верхнего течения воздуха и трещал один дальний кузнечик, не дождавшись времени тьмы. Фрося пробудилась; еще светло на свете, надо было вставать жить. Она засмотрелась на небо, полное греющего тепла, покрытое живыми следами исчезающего солнца, словно там находилось счастье, которое было сделано природой из всех своих чистых сил, чтобы счастье от нее снаружи проникло внутрь человека».

Здесь примечательным является то, что показано не только взаимодействие Фро с природой. Героиня сливается с ней и испытывает истинное счастье, что

характеризует её как человека чувствительной и тонкой души, открытого для естественного мира.

В акте «Подушка», который является завязкой, режиссёр убрал довольно большой отрывок прозаического текста, сократив оригинал до минимума. Пропущен фрагмент упоминания мальчика и музыки, который принципиально важен для Платонова: «Фрося уткнулась лицом в подушку Федора и затихла. Наверху, на третьем этаже, вернулся мальчик и заиграл на губной гармонике – ту же музыку, которую он играл сегодня тёмным утром. (..) Мальчик перестал играть: ему пора спать, он ведь рано встаёт – или он занялся с отцом, пришедшим с работы, и сидит у него на коленях».

Здесь уже делается акцент не на взаимодействии ребёнка и музыки с героиней, но, напротив, на одиночестве Фро, поскольку мальчик чужой, у него есть своя полноценная семья, которой нет у героини. В связи с этим музыка для Фро на время прекращается, оставляя ее наедине с собой. Поэтому она идёт на прогулку – эту часть платоновского текста режиссёр частично сохраняет, частично опускает: «(...) далее складов лежали запустелые, порожние земли, там росла какая-то небольшая, жёсткая, злостная трава. Фрося пришла в то место и постояла в томлении среди мелкого мира худой травы, откуда, казалось, до звёзд было километра два».

Во фрагменте мы видим описание природы, но не из чистого мира самой Фро, а из железного. В инсценировке этот эпизод урезан до минимума и концентрирует внимание на самой Фро, за счёт чего сужается контекст Платонова. Далее описываются последующие дни, когда героиня находится в ожидании, переставая интересоваться окружающим миром и впадая в депрессию: «На курсы связи и сигнализации Фрося больше не пошла – всё равно ей наука теперь стала непонятна. Она жила дома и ожидала письма или телеграммы от Федора, боясь, что почтальон унесёт письмо обратно, если не застанет никого дома. Однако минуло уже четыре дня, потом шесть, а Федор не присылал никакой вести, кроме первой телеграммы». Для контекста эти подробности являются важными. Читатель может проникнуть в то, что происходило в душе Фро и понять, насколько она сильная, так как несмотря ни на что, продолжает верить и бороться за собственное маленькое счастье.

Еще один эпизод единения героини с миром природы в акте «Телеграмма» не включён в текст инсценировки: «Фрося терпела эту разлуку, она все более скоро разносила почту (...). Но однажды она нечаянно закричала среди улицы – во время второй почты. Фрося не заметила, как в ее груди внезапно сжалось дыхание, закатилось сердце, и она протяжно закричала высоким, поющим голосом. Ее видели прохожие люди. Опомнясь, Фрося тогда убежала в поле вместе с почтовой сумкой, потому что ей трудно стало терпеть свое пропадающее, пустое дыхание; там она упала на землю и стала кричать, пока сердце ее не прошло». Читатель наблюдает не только сильную степень отчаянья и горя, нахлынувшую на Фро из-за долгого отсутствия мужа, но и стремление героини укрыться ото всего, что её окружает. Но стоило ей вновь соприкоснуться с природой и выплеснуть все накопившиеся страдания, она почувствовала себя лучше.

Время проходит, приезжает муж Фроси. В рассказе создан явный контраст переживаний Фро и Фёдора. Он видит отношения в иной плоскости

и, скорее, воспринимает девушку как разумного ребёнка, который искренне пытается его понять. Этот контраст становится более явным в семнадцатом акте «Счастье», после того как Фро пообещала Фёдору усердно заниматься ради них, а он продолжал рассказывать о непонятных для неё механизмах, о желании приносить пользу для них двоих и человечества.

Здесь также режиссёр исключает из драмы отрывок прозы, описывающий совместный счастливый момент главных героев: «Фрося слушала мужа в блаженстве, приоткрыв уже усталый рот. Наговорившись, они обнимались – они хотели быть счастливыми немедленно, теперь же, раньше, чем их будущий усердный труд даст результаты для личного и всеобщего счастья». Платонов показал, что оба героя могут быть счастливыми. Они способны наслаждаться общением и любовью друг друга без оглядки на человечество. В инсценировке же акцент сделан на тех репликах, которые обозначают противопоставление желаний, ощущений Фро и Фёдора.

Когда Фёдор делает свой выбор и опять пускается в путь, Фро вновь начинает слышать музыку. Этот фрагмент рассказа также опущен в спектакле: «Однажды Фрося проснулась поздно, день давно разгорелся на дворе. Она была одна в комнате, шел, наверно, десятый или двенадцатый день ее неразлучного свидания с мужем. Фрося сразу поднялась с постели, отворила настежь окно и услышала губную гармонию, которую она совсем забыла. Гармония играла не наверху. Фрося поглядела в окно. Около сарая лежало бревно, на нем сидел босой мальчик с большой детской головой и играл на губной музыке».

В рассказе мы видим, что только когда уехал Фёдор, героиня очнулась и, открыв окно, увидела мальчика, играющего знакомую мелодию. Стоит заметить, что эта картина показывает связь сразу трёх элементов: свободного ребёнка, близости с природой и чистых звуков музыки, завершающих образ Фро у Платонова. В последнем акте, когда Фро понимает, что Фёдор вернётся нескоро, она держит за руки мальчика, именуя его музыкантом. То есть Фро находит гармонию в своей душе с помощью природы, музыки и самого музыканта – мальчика.

Если говорить о других героях, то в оригинальном тексте также присутствуют отрывки, характеризующие отца героини, который является третьим важным персонажем. Во всех косвенных описаниях отца превалирует горечь от крайнего одиночества, от беспомощности как в работе, так и в семье. На сцене зритель видит лишь то, что отец после непродолжительных переживаний за дочь, как только приходит весть о вызове на службу, с торжественным и гордым видом покидает дом. Из-за этого пропадает глубина чувств платоновского героя.

Опущенные режиссером фрагменты платоновского текста изменили смысловую глубину и интонацию спектакля. Это коснулось характеристики душевных качеств трёх главных героев, в особенности Фро. В пьесе не проявлена чувствительность главной героини, которая раскрывается через ее отношение к природе и музыке. Соответственно, исчезает изображение её особого восприятия мира. Что касается Фёдора и отца, то здесь отсутствует упоминание об их чувствах к самой Фро. Сократились также некоторые описания, касающиеся конкретных особенностей исторического времени, в котором происходит действие, что повлияло на общий колорит пьесы.

Подводя итоги, следует сказать, что смысловые различия между рассказом и инсценировкой связаны как с режиссёрскими решениями, так и с особенностями разных жанров. Если проза, не имея ограничений, раскрывает одну ситуацию с разных сторон, то драма, наоборот, направлена на демонстрацию единого действия, которое происходит в крайне сжатых рамках пространства и времени. То есть драма должна в действии как передать колорит произведения, так и быть актуальной для зрителя. В связи с этим при анализе спектакля необходимо обращаться к различным смысловым и структурным уровням обоих жанров, а именно текста-оригинала и текста-инсценировки.

Литература

1. Гегель, Ф. (1971). Эстетика. Том 3. Москва: Искусство. 623 с.
2. Кудашов, Р. (2014). Фро. Латвия: 2014. 18 с.
3. Малочевская, И. (1988). Метод действенного анализа в создании инсценировки. Санкт-Петербург, 45 с.
4. Платонов, А. (2007). Фро. Москва: Эксмо. 16 с.

Abstract. The work is about the research of staging of a story written by A. Platonov “Фро” in Mikhail Chekhov Riga Russian Theatre. The goal of this research is determination of specifics of both genres and determination of how it conveys the meaning of the story levels through drama. The work is divided into two parts. First part covers the basics of the theory and the specifics of the staging, structure of epic and dramatic text. The emphasis is placed on the peculiarities of the text construction in two different genres and identification of the most expressed their differences and similarities for the more comfortable further analysis. In this part are also marked the features of the poetics of A. Platonov prose of 1930-ies, and “Фро” and it’s research is taken as an example. In the second part of the work is made a comparative analysis between prosaic text and its stage version set by Ruslan Kudashov. This work can be interesting for philologists, who are working on the study of dramatic works based on the epic literature. This work also could be interesting for playwrights, so they can have a picture of different approaches to the text they are working on.

Key words: staging, drama, epics, text composition, plot, poetics of Andrei Platonov, “Фро”.

Приложение 2

Приложение 3

Переходный этап развития концептуальной структуры слова (на примере слов мука, мучение, мучиться)

Екатерина Таширева

Латвийский университет,
магистрант

Резюме. Статья представляет собой освещение переходного этапа эволюции русской концептуальной структуры «мучение», связанного со временем XVIII – XIX вв. Основные смыслы, формирующие эту концептуальную структуру в данный период, сравниваются со смыслами более раннего и более позднего периода, что позволяет выявить основные тенденции их развития и осмыслить эти тенденции в контексте всей эволюции мышления человека. Для этого рассматривается семантика чаще всего объективирующих данную концептуальную структуру слов мука, мучение, мучиться на материале словарей русского языка разных исторических периодов.

Ключевые слова: концептуальная структура, эволюция, переходный этап, значение слова, мышление.

Если рассматривать отношения объекта исследования ко времени, то все работы, посвященные особенно актуальным в последние десятилетия проблемам мышления человека, могут быть разделены на два типа: описывающие мышление вне связи со временем и учитывающие изменения во времени, или эволюцию мышления. Утверждение, что язык является объективным выражением содержания мыслительных структур, сейчас уже практически бесспорно, поэтому очевидно, что исследование эволюции мышления возможно и в рамках когнитивной лингвистики. Язык тогда рассматривается с точки зрения своей истории, включающей и настоящий момент его развития, то есть с точки зрения диахронии в ее расширенном понимании. В центре внимания исследователя оказываются отдельные концептуальные структуры (КС), объективированные в языке на разных этапах его развития¹.

Развитие КС часто обусловлено культурно-исторической ситуацией, но в то же время непременно связано с развитием мышления в целом. Такие изменения, как правило, соотносимы с тремя главными линиями развития человеческого мышления – метонимическим переносом, метафорическим переносом (Лакофф 2004: 13) и субкатегоризацией. Первые две линии связаны с видоизменением смыслов, входящих в ту или иную КС, а последняя – с возникновением на их основе ряда новых смыслов, родственных между собой и уточняющих первичный (Кубрякова 2004: 198).

Развитие КС может быть описано при помощи следующих характеристик:

¹ Для описания мыслительной структуры, включающей в себя ряд более простых смыслов, представляется адекватным использовать не понятие концепта, а понятие концептуальной структуры. О разнице между ними пишет и Е. С. Кубрякова: «В ситуациях, когда нам надо охарактеризовать единицы мыслительных процессов и то, чем оперирует человек в этих процессах, мы говорим о концептах (т. е. об операциях с отдельными смыслами), но как только нам надлежит охарактеризовать, для чего человек ими оперирует... лучше говорить о концептуальных структурах» (Кубрякова 2004: 317).

1) непрерывность. В каждый исторический период любая КС представляет собой переплетение разных смыслов: центральных и периферийных, важных ранее, особенно актуальных в данный момент и только зарождающихся, значимых для будущего. Этапы развития перетекают один в другой, не могут быть четко отграничены друг от друга;

2) поэтапность. С другой стороны, в развитии КС можно с некоторой долей условности выделить отдельные этапы. Выделение этапов обычно основывается на поиске некоего преобладающего в тот или иной период смысла.

С обращением к этим двум характеристикам одновременно связано выявление особого этапа развития некоторых КС, определяющим признаком которого является отсутствие одного главного смысла, переплетение целого ряда смыслов. В результате их взаимодействия содержание КС значительно меняется, а сама КС как бы цементируется, приобретает еще большую целостность. Этот этап можно назвать переходным этапом развития КС.

Наглядна в этом отношении история русской КС «мучение». В исторический период Древней Руси² эта КС являлась скорее идеологемой³, центральным понятием христианской идеологии мученичества⁴ и важной частью пропагандируемых на Руси религиозных идей. Но с наступлением XVIII в. политический курс в стране резко поменялся. Ярко проявилась тенденция к секуляризации культуры, к отделению церкви от государства. Религия, бывшая определяющим началом в жизни человека, с этого времени постепенно начинает отходить на второй план, становится только одним из многих элементов жизни. Поэтому центральные ранее для КС «мучение» религиозные смыслы теряют свое прежнее значение и переосмысляются. Также именно в это время начинает возрастать актуальность ряда смыслов, центральных для КС «мучение» в наши дни. Можно сказать, что в начале этого периода (начало XVIII в.) данная КС была еще древнерусской, а в его конце (рубеж XIX – XX вв.) уже максимально приблизилась к своему современному состоянию. Именно это и позволяет рассматривать период XVIII – XIX вв. как пограничный в развитии КС «мучение».

Данные об особенностях этой КС могут быть получены путем анализа семантики наиболее часто объективирующих ее слов мука, мучение, мучиться. Для этого использовались материалы словарей русского языка XVIII – XIX вв., посвященные этим словам (САР 1793: 340 – 341; Даль 2002: 370 – 371; СЛРЯ 2003: 72), в сравнении с материалами словарей древнерусского (Срезневский 1989: 193 – 194, 198, 200; СДрЯ: эл. источник; СРЯз 1982: 306, 317 – 318, 322) и иногда – современного русского языка (Евгеньева 1985: 310, 315; Ушаков 1994: 277, 284 –

2 Под древнерусским подразумевается период с момента появления на Руси письменности до конца XVII в. Такое понимание связано тем, что это время характеризуется особенно тесной связью Церкви и культуры (Прохоров 2010: 83), т. е. исключительной важностью христианства для русского человека.

3 Под идеологемой согласно идущей от М. М. Бахтина традиции понимается «обозначение объективно существующей формы идеологии» (Малышева 2009: 32).

4 Идеология мученичества зародилась в Римской Империи в первые века существования христианства. Ее главным пафосом было стремление повторить путь Христа, страдание за веру понималось как благодать, как переход к вечной жизни, вечному блаженству (Таширева 2015: 23).

285; Ожегов, Шведова 2006: 369, 371; БАС 2008: 488, 521 – 522, 524 – 525). Иногда привлекались и контексты употребления.

Анализ словарных статей показывает, что христианские смыслы в какой-то степени актуальны и в переходный этап развития данной КС. Об этом свидетельствует то, что и за словом мука, и за словом мучение закреплены значения⁵ ‘мучения грешников в аду’ и ‘страдание за христианскую веру’. Однако при этом по сравнению с древнерусским периодом число значений, связанных с христианством, заметно уменьшилось. Так, у слова мука больше не отмечается очень важное для древнерусского сознания значение ‘ад’, соотносящиеся с которым смыслы участвовали в конструировании когнитивной карты древнерусского человека⁶. У слова мучение больше не актуальны значения ‘повествование о принятых за веру мучениях’ и ‘изображение мучений’. За словом мучиться, в свою очередь, в период XVIII – XIX вв. не закреплено ни одно значение с религиозными коннотациями, тогда как с древнерусским периодом связаны целых три: ‘страдать за веру’, ‘принимать наказание от Бога’ и ‘мучиться в аду’. Все это свидетельствует о постепенном смещении христианских смыслов на периферию концепта. Можно сказать, что связанные с христианством смыслы перестают эволюционировать, впредь обозначают раз и навсегда сложившийся комплекс идеалов и представлений. В какой-то степени обращение к ним с этого времени объясняется следованием традиции.

В толковых словарях современного русского языка (СРЯ) сведений о связанных с христианством ЛСВ рассматриваемых слов нет. Однако это не дает оснований утверждать, что религиозные смыслы данной КС утратили свою актуальность. Не следует забывать о том, что словари СРЯ, изданные в период существования советского государства, чаще всего имели определенную идеологическую направленность, и это нередко приводило к игнорированию определенных пластов лексики, вне зависимости от их возможной актуальности для сознания русского человека. Таким было отношение и к словам, связанным с христианской идеологией. Это хорошо осознавали и сами составители словарей. Н. Шведова в предисловии к «Толковому словарю русского языка» отмечает: «Ни в одном из русских общезыковых толковых словарей, вышедших в советское время, эта лексика не получила сколько-нибудь полного и точного описания» (Ожегов, Шведова 2006: 4). Поэтому для того, чтобы получить представление о степени значимости религиозных смыслов КС «мучение» в наши дни, необходимо рассмотреть также контексты употребления данных слов. Наиболее подходящим материалом для этого представляются художественные тексты с их свойством выражать ценности и идеалы своего времени и при этом – совмещать в себе черты всех функциональных стилей языка. Источником послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ)⁷.

5 В данном случае разграничение значений и оттенков значений представляется непринципиальным.

6 В древнерусский период лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова мука со значением ‘ад’ нередко обозначает понятие, значимое для системы пространственных представлений человека того времени: оказывается вовлечен в оформление вертикальной и горизонтальной оси координат: *показает ей мѣста, идѣже имъ мучитися, понеже мука далече мира есть на западѣ* (по: Срезневский 1989: 194).

7 Национальный корпус русского языка. Доступен: <http://ruscorpora.ru/index.html> [см.

Анализ контекстов употребления показывает, что, наряду с бытовыми значениями ('сильный физический дискомфорт', 'работа, требующая больших усилий' и т. д.), время от времени встречаются значения, отсылающие к идеологии мученичества. Чаще всего ЛСВ с этими значениями появляются тогда, когда автор обращается к теме христианства. При этом они почти всегда участвуют в воспроизведении двух известных еще со времен Древней Руси сценариев – страдания во имя веры и мучений в аду: Ну, хорошо, если ты не веришь, что я чудотворец, то согласись, хотя бы с тем, что великомученик. Сижу, **мучаюсь** велико. Нет? (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интерпарэс (1998)); Вообще-то говоря, Милий Алексеевич сильно сомневался, чтобы Господь даже Лютого обрек на вечные **муки** без возможности обратиться с покаянным заявлением. (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)). Ср.: Многоя муки претрѣпѣша и свершеняя вѣнца приаша на небесѣхъ (по: СРЯ 1982: 306); Инѣмъ же не въславѣ быти, ни въ мѣчении отъ праведнааго сѣди (по: Срезневский 1989: 198). Другой случай употребления ЛСВ с религиозными коннотациями в СРЯ связан с представлением (и, следовательно, переосмыслением) не связанных с идеологией мученичества событий в ее категориях: А я вспоминаю, вспоминаю и думаю – кто слово такое придумал – кулачье, неужели Ленин? Какую **муку** **приняли!** Чтобы их убить, надо было объявить – кулаки не люди (Василий Гроссман. Все течет (1955 – 1963) // «Октябрь», 1989). Все это говорит о том, что христианские смыслы актуальны для КС «мучение» и в XX в. Вариативность контекстов употребления указывает на то, что эти смыслы актуализируются в двух разных ситуациях: 1) при обращении к христианству как к сфере неизменных ценностей, сценариев и идей; 2) при метафорическом переосмыслении «светского» в категориях сакрального. В последнем случае мышление активно по отношению к данным смыслам, и это является еще одним подтверждением того, что они продолжают эволюционировать, по-прежнему являются живыми для сознания русского человека. При этом в обоих случаях КС «мучение» находится в гиперо-гипонимических отношениях с более общей КС «христианский Бог» – первая всегда подразумевает последнюю.

Преобразование этих смыслов путем метафоризации ведет к тому, что в современный период они не отграничены от бытовых, как это было в период Древней Руси, и значительно влияют на восприятие последних. Происходит взаимопроникновение этих смыслов друг в друга. Это свидетельствует о том, что к началу XX в. уже можно говорить о целостной КС «мучение», в которой не осталось ничего инородного, в какой-то степени насаждаемого извне. Т. е., именно период XVIII – XIX вв. следует считать временем перехода от идеологемы «мучение» к уже собственно концепту.

Показательна и эволюция бытовых значений слов мука, мучение, мучиться. По сравнению с древнерусским периодом в период XVIII – XIX вв. их число возросло. Для данного этапа актуальны следующие бытовые значения (появившиеся в XVIII – XIX вв. выделены курсивом):

- у слова мука – 'сильное физическое страдание', 'боль, вызванная болезнью', 'сильное нравственное страдание', 'тяжелая жизнь';
- у слова мучение – 'действие', 'физическое страдание вообще',

‘пытка, допрос с пристрастием’, ‘физическое страдание, вызванное болезнью’, ‘нравственное страдание’;

- у слова мучиться – ‘испытывать физические страдания’, ‘страдать от болезни’, ‘испытывать нравственные страдания’, ‘делать что-либо с большим трудом, прилагая усилия’.

Возникновение новых бытовых значений в этот период в ряде случаев является продолжением тенденции конкретизации праславянского значения ‘(испытывать) сильное страдание’ по линии «род – вид». В рассматриваемый период у слова мучение выделяют такие значения: ‘физическое страдание вообще’, ‘нравственное страдание’, ‘физическое страдание, вызванное болезнью’. Т. е., сознание человека этого времени уже четко отделяет один вид страдания от другого. Т. о., налицо дальнейшее развитие мышления по линии субкатегоризации.

Следует сказать и про ЛСВ со значением ‘(испытывать) нравственное страдание’. Поскольку слово мука восходит к праиндоевропейскому **menǵk* ‘мять, давить, дробить’ (Черных 1999: 551; Кеблер 2014: эл. источник)⁸, вполне естественно, что первоначально слова мука, мучение, мучиться использовались скорее для обозначения различных аспектов ситуации физического воздействия на лицо или предмет. Такое употребление этих слов было связано с тем, что древний человек еще не осознавал свое «я» как нечто обособленное, не противопоставлял себя внешнему миру, и поэтому не воспринимал свои субъективные ощущения как нечто, нуждающееся в специальном обозначении. Однако уже в праславянскую эпоху за данными словами закрепилось их основное, сохранившееся до наших дней значение ‘(испытывать) сильное физическое страдание’. Но, поскольку интерес к душевному миру человека в это время все еще минимален, о мучении как о нравственном страдании речь пока не идет. Значение ‘(испытывать) сильное нравственное страдание’ возникает в древнерусский период, но в это время оно еще менее частотно по сравнению со значениями, связанными с мучением как физической болью. И только начиная с XVIII в. важность этого значения резко возрастает. Это связано с тем, что в данный период значительно увеличился интерес к внутреннему миру человека. В СРЯ это значение уже является первичным.

Кроме того, в древнерусском языке часть значений слов мука, мучение, мучиться еще связана с конкретными явлениями действительности (‘пытка’, ‘истязание’, ‘казнь’), а в СРЯ такие значения отсутствуют. Это свидетельствует о том, что переходный этап развития КС «мучение» был тем временем, когда произошло ее полное видоизменение по линии «конкретное – абстрактное». Т. е., говорить о качественном изменении КС можно и в этом

8 Согласно данным этимологии, слово *му́ка* этимологически тождественно слову *мука́* (ЭССЯ 1994: 138), которое и содержит вышеуказанный праиндоевропейский корень. «Этимологический словарь русского языка» под редакцией А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского содержит следующее уточнение по поводу слова *мука́* < псл. * *moǵka*: «Буквальное значение слова – ‘мягкая’» (Журавлев, Шанский 2007: 351), т. е. ‘возникшая в результате разминания, сдавливания’. То, что первоначально слово *мука* было связано с обозначением процесса физического воздействия, подтверждает существование в лат. яз. реликтового выражения *linumokas* ‘mokas, kasliniemjāizcieš’ (Mühlenbach 1925 – 1927: 683) и областного слова *to-kas* ‘neši’ (‘tas, kasspiežplecu’) (Karulis 1992: 601).

случае. Без сомнения, эти процессы обусловлены развитием общей способности человека к саморефлексии.

Т. о., переходный этап развития КС «мучение» представляет собой своего рода зеркало, в котором отразились все сложности и перипетии превращения человека средневекового в человека современного. Можно сказать, что изменения, затронувшие КС «мучение», во многом отражают специфику перехода от теоцентрической к антропоцентрической модели мира. Вместе с тем взгляд на эволюцию данной КС на протяжении более длительного исторического периода помогает составить еще более четкое представление о процессе развития мышления человека как вида Homo Sapiens, об истории познания им материальной и нематериальной действительности.

Литература

1. Аванесов Р. И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. Доступен: http://old_russian.academic.ru/4573/моука, http://old_russian.academic.ru/4604/моучени, http://old_russian.academic.ru/4619/моучитис [см. 23.11.2016]. [СДрЯ]
2. Герд А. С. (гл. ред.). (2008). Большой академический словарь русского языка. М., СПб.: Наука, 2008. [БАС]
3. Даль В. И. (2002). Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык. Т. 2.
4. Дашкова Е. Р., Румовский С. Я. и др. (сост.) (1793). Словарь Академии Российской. СПб. Ч. IV. [САР]
5. Евгеньева А. П. (ред.) (1986). Словарь русского языка: В 4-х т. М.: Русский язык. Т. 2.
6. Журавлев А. Ф., Шанский Н. М. (ред.). (2007). Этимологический словарь русского языка. М.: Изд-во МГУ. Вып. 10.
7. Кубрякова Е. С. (2004). Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры.
8. Лакофф Дж. (2004). Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры.
9. Малышева Е. Г. (2009). Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация. Политическая лингвистика № 30, с. 32 – 39.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2006). Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП».
11. Прохоров Г. М. (2010). «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Издательство Олега Абышко.
12. Сорокин Ю. С. (гл. ред.). (2003). Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука. Вып. 13. [СлРЯ]
13. Срезневский И. И. (1989). Словарь древнерусского языка. М.: Книга. Т. 2, ч. 1.
14. Таширева Е. С. (2015). История словесного ряда мука, мучение, мучиться в русском языке: Бакалаврская работа. Рига.
15. Трубачев О. Н. (ред.) (1994). Этимологический словарь славянских

- языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука. Вып. 20 [ЭССЯ]
16. Ушаков Д. Н. (ред.). (1994). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Русские словари. Т. 2.
 17. Филин Ф. П. (гл. ред.). (1982). Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука. Вып. 9. [СРЯз]
 18. Черных П. Я. (1999). Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык. Т. 1.
 19. Karulis K. (1992). *Latviešu etimoloģijas vārdnīca: 2 sējums*. Rīga: Avots. 1. sēj.
 20. Köbler G. *Indogermanisches Wörterbuch*. Доступен: www.proto-indo-european.ru/dic-kobler/ig-m.htm [см. 23.04.2015].
 21. Mīlenbahs K. (1925 – 1927). *K. Mūlenbacha latviešu valodas vārdnīca*. Rīga: Kultūras fonda izdevums. II sēj.

Abstract. The article elucidates a transitory stage in the evolution of Russian conceptual structure “suffering”, relating to the 18th and 19th centuries. The main meanings, which form that conceptual structure in the given time, get compared with the meanings of earlier and later periods. This allows to identify the basic tendencies of their development, and to interpret those tendencies in the context of the whole evolution of human thinking. To achieve this, the semantics of the words *мука, мучение, мучиться*, which most often objectify that conceptual structure, is considered, based on Russian language dictionaries of different times.

Key words: conceptual structure, evolution, transitory stage, word meaning, thinking.

**Аббревиатуры и производные от них слова в современном русском языке
(на материале словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник
(по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века)»)**

Диана Тихомирова

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Филология», III курс

Резюме. Работа посвящена исследованию аббревиации в современной русской речи. В ходе исследования выявлены особенности в образовании и употреблении аббревиатур в современной русской речи. Материалом для изучения являются аббревиатуры и отаббревиатурные (производным) образования, зафиксированные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века)» (далее Словарь).

Ключевые слова: словообразование, аббревиация, аббревиатура, новые слова и значения, словообразовательный тип.

На начальном этапе работы – до выборки материалов из Словаря – возникла необходимость рассмотреть терминологический аспект темы, поскольку в литературе по словообразованию нет общепринятой классификации способов словообразования, а также потому, что под одним и тем же термином у разных авторов может скрываться разное содержание. Явление аббревиации также различно понимается в лингвистической литературе.

В нашей работе под аббревиацией мы будем понимать образование номинативных единиц на основе сокращения слов, составляющих исходное словосочетание (Россельхоз – российское сельское хозяйство, МГУ – Московский государственный университет), под усечением мы будем понимать образование нового слова путём сокращения исходного слова (Питер от Петербург).

Аббревиация рассматривается как процесс словопроизводства, результатом чего является аббревиатура, разновидности которой также различно представлены в лингвистике. В Словаре-справочнике лингвистических терминов термин употребляется в двух значениях:

Аббревиатура – (итал. *Abbreviatura* от лат. *Brevis* – короткий). 1. Слово, образованное от названий начальных букв или начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (инициальная А.) 2. То же, что сложносокращенное слово. Комсомол. Минпрос (Розенталь 1976: 11).

В качестве материала для исследования для настоящей статьи мы выбрали аббревиатуры инициального типа. Этот термин используется многими авторами. Большинство лингвистов выделяют следующие типы инициальных аббревиатур: а) аббревиатура буквенная (СССР [эс-эс-эс-эр]); б) буквенно-звуковая (ЦДСА [цэ-дэ-са]); в) аббревиатура звуковая (ГУМ [гум]). Эти же виды аббревиатур инициального типа приводятся многими лингвистами (ЛЭС 1990: 9), (Лопатин 2009: 167), (Розенталь 1976: 9).

Словарь, на основе которого будут выявлены аббревиатуры инициального типа и их производные, является четвертым (с 60-х гг. XX в.) в

серии словарей, представляющих новую русскую лексику по десятилетиям. Он (а именно рассматриваемый нами I-й том) включает 4250 словарных статей и отражает десятилетие российской действительности, во многом отличное от предыдущих.

90-е годы XX в. – переломный период в истории современной России (Валгина 2001: 7), сопровождавшийся вхождением значительного количества иноязычных заимствований, усилением воздействия на общественное сознание СМИ. Эти процессы вызвали значительные изменения в русской лексике, ее обновление, что сопровождалось образованием сокращений (Словарь 2009: 4).

Методом сплошной выборки нами было выявлено 38 аббревиатур инициального типа.

Самым распространенным инициальным типом является аббревиатура буквенная (29 единиц). В качестве примеров можно привести такие аббревиатуры, как:

- **АБ** [а-бэ] – **А**кционерный **б**анк;
- **БД** [бэ-дэ] – **Б**елый **д**ом;
- **БКЗ** [бэ-ка-зэ] – **Б**ольшой **к**онцертный **з**ал;
- **ГНС** [гэ-эн-эс] – **Г**осударственная **н**алоговая **с**лужба и т. д.

В меньшей степени представлены звуковые аббревиатуры (8 единиц). Сюда можно отнести такие аббревиатуры, как:

- **АОН** [аон] – **А**втоматический **о**пределитель **н**омера **т**елефона;
- **АООТ** [аоот] – **А**кционерное **о**бщество **о**ткрытого **т**ипа;
- **БАГ** [баг] – **Д**иета для **в**осстановления **м**ужской **п**отенции, включающая три продукта: **б**ананы, **а**вокадо и **г**рибы и др.

Смешанный, или буквенно-звуковой, тип аббревиатуры в I-м томе Словаря зафиксирован **единично**:

- **ГИБДД** [ги-бэ-дэ-дэ] – **Г**осударственная **и**нспекция **б**езопасности **д**орожного **д**вижения.

Отаббревиатурные производные в Словаре достаточно распространены (25 фиксаций):

1) От буквенных аббревиатур образовано 7 единиц. В основном это имена существительные и прилагательные. Среди имен существительных преобладают конкретные имена существительные, например:

- **ГКЧПИСТЫ**. Члены государственного комитета по чрезвычайному положению; от **ГКЧП** [гэ-ка-че-пэ] (Государственный комитет по чрезвычайному положению);
- **ДВРОВЦЫ**. Члены ДВР; от **ДВР** [дэ-вэ-эр] (Демократический выбор России – российская политическая партия (1994 – 2001), поддерживающая на президентских выборах 1996 г. Б. Н. Ельцина);
- **ЗУШКА**. Зенитная установка, от **ЗУ** [зэ-у] в том же значении;
- **БМДЭШКА**. Боевая машина десанта, от **БМД** [бэ-эм-дэ] в том же значении.

Зафиксировано (в настоящий момент) единственное существительное с отвлеченной семантикой:

- **КАГЭБЭФОБИЯ**. Неприязнь к **КГБ** [ка-гэ-бэ] (Комитет государственной безопасности).

От буквенных аббревиатур образуются и имена прилагательные, например: *ВПКОВСКИЙ* [вэ-пэковский]. Относящийся к ВПК [вэ-пэ-ка] (военно-промышленному комплексу), принадлежащий ему.

2) Производные от звуковых аббревиатур зафиксированы в меньшем количестве: (4 единицы). Например:

- *АГЭШНИК*. Приверженец андеграунда;
- *АИФОВЕЦ*. Сотрудник еженедельного периодического издания «Аргументы и факты».

В инициальных аббревиатурах и отаббревиатурных отинициальных производных (буквенных и звуковых) наблюдается вариативность орфографического облика слова, т.е. их написание пока не кодифицировано. Например:

- *АЙ-БИ-ЭМ* и *АЙБИЭМ* (варьируются дефисное и слитное написание);
- *БОБРы* и *БОБРЫ*. Бескупонные облигации Банка России (варьируются строчная и прописная буквы);
- *ВЭВЭШНИК* и *ВВшник* [вэ-вэ]. Военнослужащий внутренних войск – ВВ (первый вариант от произношения буквенной аббревиатуры – ВЭВЭ; второй вариант – традиционный – от ВВ).
- *АИФОВСКИЙ* и *АиФовский*. 1. Относящийся к публикациям в еженедельном периодическом издании «Аргументы и Факты». 2. Работающий в этом издании.

Зафиксировано также три варианта написания производного существительного:

- *БМДэшка*, *БМДешка* и *БМДшка*. Боевая машина десанта, от БМД [бэ-эм-дэ] в том же значении.

Имеется также варианты аббревиатуры с использованием иноязычной графики:

- *АЙ-БИ-ЭМ-совместимый* и *IBM-совместимый*.

Адаптация нового аббревиатурного инициального образования проявляется и в развитии полисемии – как в составе аббревиатур, так и в отаббревиатурных словах.

Так, буквенная аббревиатура *БД* [бэ-дэ] зафиксирована в двух значениях: 1. Резиденция Президента США. Белый дом. 2. Здание правительства РФ в Москве. Белый дом; *ДШБ* [дэ-ша-бэ] 1. Десантно-штурмовой батальон; 2. Десантно-штурмовая бригада.

Особенно показательна в этом отношении звуковая аббревиатура *БОМЖ*. Во-первых, она употребляется в двух вариантах написания: строчными и прописными буквами: *БОМЖ* и *бомж*. Во-вторых, она имеет три значения: 1. В знач. неизм. прил. Лицо бомж. Лицо, не имеющее жительство. 2. О беспризорных животных (разг.) 3. Об учреждении, не имеющем постоянного помещения (перен.). В-третьих, данная аббревиатура, которая воспринимается как обычное слово (без соотношения с исходным словосочетанием), послужила базой для образования большого количества однокоренных словразныхчастейречисосниженнойстилистическойокраской: *БОМЖАРА*, *БОМЖАТНИК*, *БОМЖАТСКИЙ*, *БОМЖЕВАТЫЙ*, *БОМЖЕВИДНЫЙ*, *БОМЖЕВАТО*, *БОМЖЕВАТЬ* и т. д. Производные от инициальных аббревиатур

слова образованы морфологическим – суффиксальным способом.

Таким образом, самым распространенным инициальным типом является аббревиатура буквенная. В меньшей степени представлена звуковая аббревиатура. Единично представлена смешанная аббревиатура. Достаточно распространены в Словаре отаббревиатурные производные, выраженные в основном именами существительными и прилагательными. Написание инициальных аббревиатур и отаббревиатурных отинициальных производных (буквенных и звуковых) пока не кодифицировано, что говорит о процессе адаптации данных слов в современном русском языке. Нередко мы сталкиваемся с таким явлением, как развитие полисемии у аббревиатур, что свидетельствует об их активном использовании в речи.

Литература

1. Алексеев, Д.И. Аббревиатуры как новый тип слов. Развитие словообразования современного русского языка. Москва: Аст-пресс книга, 1977. 412 с.
2. Буцева, Т.И., Левашов, Е.А., Денисенко, Ю.Ф., Стулова, Н.Г., Козулина, Н.А., Гонобоблева, С.Н. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009–2015. 1392 с.
3. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос. 2001. 304 с.
4. Лопатин, В.В. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. Москва: Аст-пресс книга, 2009. 432 с.
5. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. Москва: Просвещение, 1976. 399 с.
6. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Abstract. The work is devoted to study of abbreviations in the modern Russian language. The study reveals peculiarities in the formation and use of abbreviations in the modern Russian language.

The material for the study is abbreviations and abbreviative (derivative) formations, recorded in the dictionary of “New words and meanings. Dictionary (based on materials of press and literature of the 90s of the XX century)” (the Dictionary).

Key words: abbreviation, derivation, new words and meanings, derivational type.

Традиция и своеобразие причастного предиката в Житии Александра Невского (По Синодальному списку Псковской второй летописи)

Марина Фефелова

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,

направление «Филология», IV курс

Резюме. Текст Жития Александра Невского из Псковской летописи позволяет выяснить специфику передачи действия предикатом, выраженным кратким действительным причастием. Системные отношения требуют внимания к глагольным, именным категориям, синтаксическим функциям, связям причастий. Способность вступать не только в синтаксическую, но и семантическую однородность с другими сказуемыми при союзии и бессоюзии создаёт условия для развития зависимой функции у кратких действительных причастий-сказуемых (впоследствии без согласования с подлежащим) от сказуемых в спрягаемой форме, т. е. становлению деепричастий.

Ключевые слова: житийный текст, простое глагольное сказуемое, краткие действительные причастия, синтаксическая и семантическая однородность, проблема становления деепричастий.

История, современный статус славянских причастий интересуют в настоящее время учёных славистов, особенно в связи с развившимися гораздо позже деепричастиями (Колесов 2008: 379-589; Кунявин 2003: 158-168; Хеммат-Заде 2014: 830-833; Ремнёва, Савельев, Филичев 1999: 232). Предикативная функция кратких действительных причастий типична для древней книжности. Она закрепились в связи с переводческой деятельностью в период создания славянской письменности. В одном из последних исследований – диссертации М. Г. Шарихиной, посвященной раннему славянскому переводу с греческого Жития Николая Мирликийского, этому вопросу отводится важное место (Шарихина 2015: 177-184; 2016).

Текст Жития Александра Невского, находящийся в Синодальном списке Второй Псковской летописи, составленном в 1486 году (список тоже XV века) (Повести о житии ... князя Александра: 11-16), который, как и всё псковское летописание, носит местный характер (Насонов 1955: 6), тем более позволяет выяснить специфику передачи действия и предикатом, выраженным прежде всего кратким действительным причастием, и сопоставить разные способы выражения простого глагольного сказуемого.

Цель исследования – выявить традиции в книжном церковнославянском стиле Жития и возможное своеобразие в местном древнерусском тексте, помещённом в контекст летописных повествований. Это значимо и потому, что этот текст используется в исторической части «Псковского областного словаря с историческими данными» – уникального в мировой лексикографии труда, создаваемого по идее Б. А. Ларина (ПОС 1967-2016).

Причастные формы широко и разнообразно представлены в тексте Жития Александра Невского, что естественно отвечало требованию книжного

древнерусского этикета, по словам Д.С. Лихачева (Лихачёв 1979), тем более в произведении религиозного жанра.

Первая же фраза содержит и высокую церковнославянскую лексику, передающую в форме устойчивого словосочетания в предложном падеже божественную поддержку намерения автора, и сниженную самохарактеристику автора, и, самое главное, верное оформление предикативного причастия в сочетании со спрягаемой формой настоящего времени у другого простого глагольного сказуемого:

«О Господѣ нашемъ Исусѣ христѣ сыне божи азъ хоудыи и многогрѣшныи, мало СЪМЫСЛЯ, ПОКОУШАЮСЯ писати житие святого князя Александра» (л. 156).

Препозитивное причастие настоящего времени (СЪМЫСЛЯ) и последующая спрягаемая форма настоящего времени (ПОКОУШАЮСЯ ПИСАТИ) при бессоюзной связи создают синтаксическую однородность.

Предикативная функция причастия в этом случае не вызывает сомнения, тем более, что наблюдается и такое употребление, когда краткое действительное причастие является единственным сказуемым в предложении при бесспорной его функции предиката:

«СЪДУМАВ же князь Александръ...» (л. 160 об.).

Это одно из трёх простых предложений, соединённых повторяющимся союзом «И»; в каждом предложении находится своё сказуемое. Но такое одиночное употребление краткого действительного причастия (в данной ситуации прошедшего времени) в качестве сказуемого – редкий случай в Житии Александра Невского.

Чаще наблюдается использование разнообразных по смыслу синтаксически однородных сказуемых (поясняющих один субъект-подлежащее) с разной степенью сложности семантико-синтаксических отношений между ними. С одной стороны, обнаруживается экономия сообщения информации с показом разных действий отображаемой ситуации, а с другой – важно обращать внимание на время причастий и спрягаемых форм глаголов, а также на порядок причастий (препозиция или постпозиция); самое же главное, на лексико-семантические свойства сочетающихся предикатов (вслед за М.Г. Шарихиной, учитываем семантическую однородность / неоднородность, в отличие от синтаксической однородности). Такой подход исследователя представляется перспективным (Шарихина 2015).

Покажем это на примере с прямой речью:

«тако и сеи, именемъ Андрѣяшъ, ВИДѢВЪ [действительное причастие прошедшего времени. – М.Ф.] князя Александра и ВЪЗВРАТИВСЯ [действительное причастие прошедшего времени. – М.Ф.] къ своимъ, РЕЧЕ [аорист. – М.Ф.]: ПРОШЕД [действительное причастие прошедшего времени. – М.Ф.] страны, языкъ, НЕ ВИДѢХ [аорист. – М.Ф.] таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя» (л. 157).

В словах автора союзом «И» соединены два предиката в форме действительного причастия прошедшего времени, называющие конкретные действия (ВИДѢВЪ и ВЪЗВРАТИВСЯ), и к ним присоединяется бессоюзно аорист со значением говорения (РЕЧЕ). Это создаёт семантическую неоднородность между этими двумя группами предикатов за счёт использования разных по

своей значимости в передаче отрезка действительности глаголов. Несмотря на прошедшее время у всех этих предикатов, чётко проявляется более раннее временное действие у причастий, что создает временную последовательность: ВИДѢВЪ, ВЪЗВРАТИВСЯ (сначала) – РЕЧЕ (потом). На современный язык требуется перевести с уточнением смысла при использовании или придаточного времени, или деепричастного оборота. Такие отношения характерны при наличии глагола речи. Но всё это выражено ещё не совсем очевидно.

В прямой речи связь разноморфологических форм ближе по причине сближения смыслов лексем. Причём это поддерживает и синтаксическую однородность: посещение разных мест предполагает и одновременные наблюдения (ПРОШЕД, НЕ ВИДѢХ).

В следующем случае: «и ОСТАСЯ единь, и ВЪЗВРАТИ к граду силоу ихъ, къ вратом граднымъ, и ПОСМѢЯСЯ дружинѢ своеи, и ОУКОРИ я, РЕКЪ: оставите мя единого» (л. 156 об.) – постпозиция последнего сказуемого (РЕКЪ – действительное причастие прошедшего времени) в словах автора по отношению к четырём препозитивным сказуемым в спрягаемых формах аориста, при отсутствии союза перед РЕКЪ, а также учёт семантики и характера синтаксической конструкции заставляет воспринимать причастный предикат как в известной мере второстепенный по отношению к предикатам, выраженным спрягаемыми формами. Это и позволило в дальнейшем использовать развившееся деепричастие. На условия формирования деепричастия в русском языке обращает внимание и Л. Р. Абдулхакова (Абдулхакова 2007).

В другом контексте дополнительные действия, выраженные двумя постпозитивными действительными причастиями настоящего времени (ХВАЛЯ и СЛАВЯ), соединёнными союзом «И», в постпозиции к действию (форма аориста ВОЗВРАТИСЯ) образуют особый блок: «Князь же Александръ ВОЗВРАТИСЯ с побѣдою, ХВАЛЯ и СЛАВЯ имя своего творца» (л. 158 об.).

В этом случае заметна и семантическая неоднородность между предикатами. Поясним это: синтаксически однородные предикаты в форме действительного причастия настоящего времени являются лексически синонимичными, что с помощью их повтора усиливает характеристику конкретного действия в аористе (передаётся, как ведёт себя герой по возвращении). Так постепенно формируется второстепенность действия, выражаемого краткими действительными причастиями.

В следующем контексте: «И ВИДѢВЪ [действительное причастие прошедшего времени] его царь Батый, и ПОДИВИСЯ [аорист. – М.Ф.], и РЕЧЕ [аорист. – М.Ф.] велможамъ своимъ» (л. 160 об.) – обнаруживаем ослабление семантической значимости сочетающихся разных по морфологическому выражению сказуемых за счёт повторяющегося союза «И», соединяющего все три сказуемых, сглаживая проявление второстепенности у какого-либо из них, затрудняя быструю и бесспорную оценку сказуемого РЕЧЕ, вводящего дальнейшую речь князя. Побеждает же в структуре формальная однородность, хотя хотелось бы различать такие отношения в группировке предикатов, как внимание к ситуации и смысловой нагрузке каждого предиката: ВИДѢВЪ, ПОДИВИСЯ – РЕЧЕ.

Не раз краткие действительные причастия выступают в Житии в роли связочной части составного сказуемого. При этом должно быть внимание

к ряду свойств, которые влияют на сложный статус рассматриваемых предикатов. Причём действительное причастие в связочной части с учётом его лексического значения может повлиять на проявление соответствующей однородности. Обратим внимание на пример: «народи же СЪГНАХОУТСЯ [следы имперфекта. – М.Ф.], ХОТЯЩЕ ПРИКОСНУТИСЯ [сложное явление, требующее пояснения. – М.Ф.] честнѣмь одрѣ святого тѣла его» (л. 162).

Второе сказуемое (ХОТЯЩЕ ПРИКОСНУТИСЯ) для более позднего времени – составное глагольное. Но в нём присутствуют ещё и черты-остатки составного будущего в церковнославянском книжном тексте со своеобразной связочной частью – модальным глаголом (хорошо передаётся временная разноплановость). Да ещё в этом отрывке проявляется церковнославянское оформление некоторых слов. Оставив эти наблюдения для возможного продолжения анализа текста, сейчас учтём только модальность в связочной части, что свидетельствует и о семантической неоднородности двух сказуемых: второе объясняет причинность появления первого (СЪГНАХОУТСЯ).

В Житии обнаружены несколько случаев использования «дательного самостоятельного» – той переводной конструкции с греческого для передачи на славянский греческого «родительного абсолютного» (Genitivus absolutus). В «дательном самостоятельном» краткое действительное причастие в дательном падеже согласуется с именем в дательном падеже: имя означает субъект, причастие – действие субъекта. Конструкция служит обстоятельством пояснением основной мысли, выраженной другим предложением. Поэтому переводится вся конструкция как соответствующее сложноподчиненное предложение в зависимости от конкретной ситуации.

На «чужой» (славянской) почве данная конструкция сохраняется в церковнославянском книжном языке, а в Житии Александра Невского в составе летописного повествования естественны отступления от строгости этой находки составителями письменности для перевода «чужой» конструкции в сакральных текстах с помощью «своих» языковых средств. Отступление могло, например, вызывать использование союза «И» между дательным самостоятельным и самим предложением:

«СТОЯЩЮ ЖЕ ЕМУ при краи моря, и СТРЕЖАШЕ обою пути» (л. 158).

В результате всесторонних наблюдений над функционированием кратких действительных причастий в роли предиката мы обнаружили типичные свойства этой категории и активное варьирование в выборе сочетаемости с другими предикатами. Учитываются особенности разных языковых уровней. Наиболее убедительной представляется позиция М. Г. Шарихиной, обратившей внимание на роль однородности не только синтаксической, но и лексико-семантической. Не случайно и В. В. Колесов настаивает на внимании к тексту. Работа может быть продолжена.

Литература

1. Абдулхакова, Л.Р. (2007). Из истории русского деепричастия: Казань: Издательство Казанского государственного университета. 64 с.
2. Колесов, В.В. (2008) Причастия. В: Колесов, В.В. Историческая грамматика русского языка. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. С. 379-589.

3. Кунявин, В.В. (2003) Именные действительные причастия прошедшего времени от глагольных основ несовершенного вида в древнерусском языке. В: Архипов С.В. (ред.) История и философия культуры: актуальные проблемы, выпуск 6. Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского государственного университета. С. 158-168.
4. Лихачёв, Д.С. (1979). Поэтика древнерусской литературы. 3-е издание. Москва: Наука. 360 с.
5. Насонов, А.Н. (1955) Предисловие. В: Насонов, А.Н. (ред.) Псковские летописи. Выпуск II. Москва: Издательство Академии наук СССР. С. 3-8.
6. Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра, 1486 г., сп. XV в. В: Насонов, А.Н. (ред.) Псковские летописи. Выпуск II. Москва: Издательство Академии наук СССР. С. 11-16.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. (1967-2016). Ларин, Б.А., Герд А.С., Глускина С.М. и др. (ред.), выпуски 1-26. Ленинград / Санкт-Петербург: Издательство Ленинградского государственного университета / Санкт-Петербургского государственного университета.
8. Ремнёва, М.А., Савельев, В.С., Филичев, И.И. (1999) Церковнославянский язык: Грамматика с текстом и словарём. Москва: Издательство Московского государственного университета. 232 с.
9. Хеммат-Заде, Ш. (2014) О хронологии деепричастий в русском языке. Журнал Молодой учёный, выпуск 18. Казань: Молодой учёный. С. 830-833.
10. Шарихина, М.Г. (2015) Однородные сказуемые в языке переводного метафрастова Жития Николая Мирликийского (на материале русских списков XV-XVI вв.). Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, Филология. Востоковедение. Журналистика, выпуск 2. С. 177-184.
11. Шарихина, М.Г. (2016) Синтаксические особенности славяно-русской переводной агиографии XV-XVI вв.: стилистический аспект (на материале русских списков Жития Николая Мирликийского): Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 22 с.

Abstract. Test of the life of Alexander Nevsky in the chronicle of Pskov enables to explore how the action is expressed by a short active participle. Systemic relations require attention to verbal and nominal categories, to syntactic function, interconnection between participles. Ability to become not only syntactically, but also semantically coordinated with other predicates with or without conjunctions results in dependence of short active participial predicates (further without coordination with the subject) from predicates of conjugate form, i.e. in formation of adverbial participles.

Key words: test of the life, simple verbal predicate, short active participles, syntactic and semantic coordination, problem of adverbial participle formation.

А. С. Пушкин и Ж.-Ф. Бастид: к проблеме литературных взаимодействий

Полина Цема

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,
аспирант

Резюме. В статье рассматриваются особенности романа А. С. Пушкина «Дубровский» в его сопоставлении с новеллой Ж.-Ф. Бастиды «Маленький домик». Значительную роль для анализа играет эпизод визита Кирилы Петровича и Марьи Кириловны в имение князя Верейского. Сопоставление данного эпизода и текста новеллы позволяет выделить значимые параллели, такие, как «интерьерный» характер и эстетизированность пространства, обладающие идиллическим потенциалом, сходство образов главных героев и их функций, что позволяет сделать вывод о том, что А. С. Пушкин мог обращаться к новелле Ж.-Ф. Бастиды в ходе работы над романом.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Дубровский», Ж.-Ф. Бастид, «Маленький домик», рококо, князь Верейский.

Связи произведений русского писателя с французской культурой и литературой XVIII века представляются неоспоримыми, что подтверждается многочисленными работами литературоведов, объектом исследования которых становятся произведения А. С. Пушкина в сопоставлении с творчеством Вольтера, романами Ж.-Ж. Руссо и других энциклопедистов. Как отмечает Б. В. Томашевский, «роль XVIII в. характеризуется преимущественно влияниями идеологического порядка» (Томашевский 1933: 37). В то же время нельзя обойти вниманием и другое направление, нашедшее своё отражение в произведениях Пушкина – литературу французского либертинажа. Работы, посвящённые взаимодействию творчества русского писателя с рокайльной прозой и поэзией, принадлежат Л. И. Вольперт (Вольперт 1972: 84-114), К. И. Шарафадиной (Шарафадина 2001: 118-141), Е. Е. Дмитриевой (Дмитриева 2000: 181-191), Е. Э. Ляминой (Лямина 2009: 76-86).

Параллель А. С. Пушкин – Ж.-Ф. Бастид до сих пор не являлась предметом исследования исследователей. Тем не менее, существуют основания предполагать наличие связи между новеллой Ж.-Ф. Бастиды «Маленький домик» и эпизодом приёма у князя Верейского в романе «Дубровский». Основание для рассмотрения подобной параллели заключается в том, что, согласно исследованиям Э. Ф. Лобановой (Лобанова 1997: 39), Пушкин мог быть знаком с произведением французского писателя, поскольку оно входило в сборник «Bibliothèque universelle des romans» за 1784 г., второй том которого, содержащий новеллу, находился в библиотеке Михайловского.

Мы предполагаем, что Пушкин мог обращаться к новелле Ж.-Ф. Бастиды в целях обогащения образа светского человека, которым представлен в его романе князь Верейский. Поскольку биография героя, приведённая автором, свидетельствует о том, что он большую часть жизни провёл за границей («Кн<язь> долгое время находился в чужих краях — всем именем его управлял

отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовом. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой от роду еще не видал» (Пушкин 1948: 207)). Пушкину, возможно, был интересен тот образ светского человека, который существовал во французском обществе до революции 1789 г.

Новелла Ж.-Ф. Бастида «Маленький домик» увидела свет в первом варианте в 1758 г., позднее, дополненная примечанием, – в 1763 г. Её сюжет, строящийся вокруг галантного приключения, вписывается в литературное направление французского либертинажа 2 пол. XVIII века. Маркиза Мелита, молодая, умная и добродетельная, отвергает ухаживания маркиза де Тремикура, который предстаёт перед читателем как богатый искатель наслаждений. С целью завоевания её расположения, он приглашает Мелиту в свой загородный дом («маленький домик») в надежде, что невероятная утонченность обстановки, которая предстанет перед гостьей, не оставит её равнодушной.

Как отмечает Paul J. Young (Young 2008: 55), новелла Бастида была бы одной из многих историй о соблазнении, весьма распространённых во 2 пол. XVIII века, если бы не особая роль, отведённая автором предметам, важная до такой степени, что становится неясно, кто же пытается очаровать героиню: маркиз Тремикур или его дом. Исследователь утверждает, что в новелле речь идёт о слиянии двух пространств: пространства материального, в котором разворачивается основное действие, и внутреннего, психологического пространства героев. Литературовед приходит к выводу, что на страницах «Маленького домика» Бастид, описывая сложные отношения, в которые вступают эти два мира, задаётся вопросом о том, не может ли подробное изображение интерьера занять место описания характера и свидетельствовать о внутреннем мире персонажа в отсутствие достоверной информации относительно последнего.

Подобное отношение к самоценности обстановки и её значимости для понимания внутреннего мира героя мы находим и на страницах «Дубровского». Психологический портрет князя отсутствует, и мы вынуждены делать выводы о его характере и даже биографии, исходя из его поступков, из его кратких оценок автором и персонажами и из описания его усадьбы. Так, всё, что предстаёт перед взором гостей: избы крестьян, коровы, звенящие своими колокольчиками, картинная галерея, вид на Волгу, лодки-душегубки, фейерверк – всё носит ярко выраженный эстетизированный характер и служит идеальным фоном для приятного времяпрепровождения.

По мнению Paul J. Young, Тремикур, желая произвести на Мелиту впечатление, устраивает визит таким образом, что дом с его внутренним и внешним пространством начинает играть активную роль в её соблазнении. Маркиз сочетает звуковые и визуальные эффекты для достижения наилучшего результата. В один из моментов он задействует музыку («...он понял, что решающий момент настал, подал знак, и в то же мгновение из коридора, где сидели музыканты, донеслись звуки чарующей музыки» (Делон 2013: 239)), что оказывает неизгладимое впечатление на женщину («О чем вы думаете? – Об этой музыке, – сказала она. – Я полагала, что смогу от нее убежать, но издали она кажется еще более трогательной» (Делон 2013: 241)). Во время же посещения сада, где мелодия продолжает преследовать Мелиту,

маркиз устраивает фейерверк. Его продуманность позволяет задействовать визуальные эффекты, которые также служат общему замыслу: «неожиданно зарево фейерверка позволило ей увидеть в глазах дерзкого смельчака любовь самую нежную и покорную» (Делон 2013: 244).

Похожим образом проявляет себя и князь Верейский. Желая впечатлить Марию Кириловну, он прибегает к тем же приёмам: «Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке» (Пушкин 1948: 209), «вдруг раздался выстрел – и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал ее и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождем, звездами, угасали, и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась как дитя. Князь Верейской радовался ее восхищению...» (Пушкин 1948: 209-210).

В то же время нельзя не заметить ярко выраженный идиллический потенциал, которым обладает как новелла Бастида, так и эпизод посещения загородного дома князя Верейского. Среди выделенных М. М. Бахтиным (Бахтин 1975: 376-384) черт идиллического пространства мы можем отметить его замкнутость. Это было свойственно и рокайльной литературе в целом, поскольку, как отмечает Н. Т. Пахсарьян, особый интерес стало представлять «естественно-скандальное, интимное существование человека» (Пахсарьян 2003). Действительно, эпоха рококо характеризовалась в том числе и тем, что жизнь человека была поделена на официальную, городскую, проходившую под контролем светского общества, и скрытую, загородную, большое значение в которой играл маленький домик как место, где можно было снять маску приличий (Young 2008: 58). Таким образом, описание загородного дома Тремикура и поместья Верейского действительно могли являться прямой отсылкой к истинному характеру героя.

Обратившись к образам Тремикура и Верейского, мы обнаруживаем, что оба прекрасно владеют собой, и ничто не может выдать их истинные чувства. Так реализуется представление об идеальном либертене, чьи даже, казалось бы, естественные реакции радости, боли или удивления оказываются обманчивыми для собеседника вследствие идеального самоконтроля. В новелле Бастида это проявляется как конфликт между восприятием маркиза Мелитой и ремарками автора. С одной стороны, «её очаровывала бездеятельность Тремикура в то самое время, когда он выказывал ей столько нежности. Ничто не заставляло ее защищаться; ее вовсе не атаковали; ее обожали молча» (Делон 2013: 248). С другой стороны, авторское описание заставляет читателя усомниться в искренности главного героя: «Он больше ее не останавливал; он видел, что она ошиблась дверью и, более не владея собой, уже входила во второй будуар. Он позволил ей туда войти, ограничившись тем, что наступил ей на подол платья в тот самый момент, когда она переступала порог комнаты, дабы, в попытке освободиться, она повернула голову и не увидела комнаты, куда входила» (Делон 2013: 248).

В «Дубровском» это реализуется похожим образом. Стоит упомянуть, что весь эпизод визита построен как путешествие и прекрасно срежиссирован. Так, в саду раздаётся музыка, и лодка причаливает к беседке именно в тот момент, когда гости заканчивают пить кофе, а фейерверк начинается именно

тогда, когда Марья Кириловна разливает чай. Таким образом, участникам этого спектакля суждено испытывать те или иные чувства в соответствии со сценарием. Гости посещают самые живописные места поместья, оказываются очарованными приёмом и забывают о времени: «Они поехали по озеру, около островов посещали некоторые из них — на одном находили мраморную статую, на другом уединенную пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марьи Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками князя — время прошло незаметно — начало смеркаться» (Пушкин 1948: 209).

Как и маркиз Тремикур, Верейский способен произвести благоприятное впечатление на собеседника: «Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и веселые приветствия светского человека», «неистощимые» рассказы любезного говоруна». В то же время его истинные намерения остаются скрытыми как от героини, так и от читателя, поэтому сватовство оказывается неожиданным поворотом событий.

Образы Мелиты и Марьи Кириловны также перекликаются. Paul J. Young отмечает (Young 2006: 27), что в новелле Бастида реакции героини на красоты маленького домика (вздохи, дрожь) резко контрастируют с внешней бесстрастностью Тремикура: «Он заметил, как изумилась Мелита, и дал ей время предаться восторгам» (Делон 2013: 233), «Мелита, пораженная тем, что только что увидела, начала восхищаться совершенно искренне...» (Делон 2013: 234), «От восторга Мелита пришла в экстаз» (Делон 2013: 238). Исследователь отмечает, что это является признаком принадлежности обоих героев к разным типам одной и той же культуры, в рамках которой одни её представители склонны вуалировать свои истинные чувства и управлять, таким образом, собеседником, а другие – выражать их искренне, и даже преувеличенно.

Сходные описания мы находим и в «Дубровском». В то время, как князь лишь радовался восхищению госты, эмоции Марьи Кириловны представлены гораздо более разнообразно: она «слушала его с удовольствием», «не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения», испытывала «девическое любопытство», «веселилась как дитя» (Пушкин 1948: 209-210).

Таким образом, анализируя оба произведения, мы приходим к выводу о наличии значимых параллелей. Опираясь на определение романа эпохи рококо, как романа, одной из важнейших черт которого является его «интерьерный» характер (Пахсарьян 2003), а также на такие выявленные нами сходства, как эстетизированность пейзажей, обладающих идиллическим потенциалом, сходство образов главных героев и их функций, мы приходим к выводу о том, что при написании эпизода визита Кирила Петровича и Марьи Кириловны в поместье князя Пушкин мог обращаться к новелле Ж.-Ф. Бастида, как, по словам Lydia Vázquez Jiménez, к произведению, которое является одной из лучших работ своего времени, посвящённых проблемам хорошего вкуса (Vázquez Jiménez 1987: 212).

Литература

1. Vázquez Jiménez, L. (1987) « Ceci n'est pas un conte » ou les ambiguïtés du simulacre. Estudios de lengua y literatura francesas, vol. 1, P. 209-216.
2. Young, P.J. (2006) Looking inside : The Ambiguous Interiors of “La

Petite Maison”. South Atlantic Review, vol.71, №1, P. 20-41.

3. Young, P.J. (2008). *Seducing the Eighteenth-century French Reader: Reading, Writing, and the Question of Pleasure*. Aldershot : Ashgate Publishing, Ltd. 167 p.

4. Бахтин, М. (1975). *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература. 504 с.

5. Вольперт, Л.И. (1972) Пушкин и Шодерло де Лакло (На пути к «Роману в письмах»). В: Маймин, Е.А., Ефимова, М.Т. (отв. ред.) Эльза Слина: Пушкинский сборник. Псков: Псков. обл. тип. С. 84-114.

6. Делон, М. (2013). *Искусство жить либертена*. Москва: Новое литературное обозрение. 896 с.

7. Дмитриева, Е.Е. (2000) Высокое искусство вуалировать, или О некоторых проявлениях рокайльной эстетики в поэзии Пушкина. *Московский пушкинист*, выпуск 8, С. 181-191.

8. Лобанова, Э.Ф. (1997). *Михайловская библиотека Пушкина: Попытка реконструкции каталога*. Москва: МЦНТИ. 52 с.

9. Лямина, Е.Э. (2009) Об одном «жанровом следе» в «Евгении Онегине». В: Чудакова, М.О., Цивьян, Ю.Г. (ред.) Евгений Тоддес: Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII-XIII-XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. Москва: Водолей. С. 76-86.

10. Пахсарьян, Н.Т. (2003). Роман рококо как роман интерьера. Язык в пространстве и времени. Т. 2. Самара. Доступен: <http://www.philology.ru/literature3/pakhsaryan-03a.htm>

11. Пушкин, А.С. (1948). *Полное собрание сочинений, 1837—1937*. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР. 496 с.

12. Томашевский, Б.В. (1933) Пушкин и французская литература. В: (ред.) Сергей Макашин: *Литературное наследство*. Москва: Изд-во АН СССР. С. 1-76.

13. Шарафадина, К.И. (2001) Игра «во вкусе гроссо» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814). *Русская литература*, №4, С. 118-141.

Abstract. This article focuses on particularities of the Alexander Pushkin’s novel “Dubrovsky” in its comparison with a Jean-François de Bastide’s short story “La Petite Maison”. A valuable role in the analysis is played by the description of the Kirila Petrovitch Troekurov and his daughter’s visit to prince Vereysky’s manor. A comparison of this episode with the novel’s text lets draw some parallels between them such as an aestheticized space and its “interior” character, a similarity of main characters’ images and of their functions. It is concluded that Alexander Pushkin may have referred to a Jean-François de Bastide’s short story while working on his novel.

Key words: Alexander Pushkin, «Dubrovsky», Jean-François de Bastide, “La Petite Maison”, rococo, Vereysky.

Формирование социокультурной компетенции посредством учебных экскурсий на иностранном языке (на примере города Пскова)

Анастасия Цыкунова

ПсковГУ,

*факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Педагогическое образование с двумя профилями», V курс*

Резюме. В статье рассматривается проблема формирования социокультурной компетенции, необходимой для успешного осуществления коммуникации на различных уровнях, а также возможность проведения учебных экскурсий на иностранном языке. Рассмотрены особенности, классификация и методика проведения экскурсий. Особенно подробно анализируется учебный тип экскурсий, обладающий глубоким воспитательным и образовательным потенциалом, который может быть успешно применен в образовательном процессе российских школ в виде внеурочной деятельности.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, учебная экскурсия, технология проведения, воспитательный и образовательный потенциал.

Современный мир развивается противоречиво и разнообразно. При этом отрицать два очевидных результата глобализации уже невозможно – английский язык стал связующим в мире информации и коммуникации, а общение, образование и трудовая деятельность стали во многом международными, что также отразилось на языковой стороне речи.

Псковская область является приграничным регионом страны, что находит свое отражение в том числе и в национальном составе региона. В случае взаимопонимания друг друга происходит успешное сотрудничество, обмен опытом, развитие, взаимопомощь и взаимообогащение. В противном случае – рост критики, напряженности, конфликтов и даже появление жертв. Поэтому очень важно показать важность и значимость межкультурной коммуникации именно детям, необременённым стереотипами, опытом общения, научить мыслить масштабно и широко, понимая и принимая различия в людях, нациях, странах. Задача может показаться слишком глобальной для обучения, а для ее решения, казалось бы, необходимо затратить много времени и сил и со стороны обучаемых, и со стороны учителей.

Цели и задачи обучения формируют его результат, который, согласно документу «Общеввропейская компетенция владения иностранным языком. Проект» (1996) направлен на формирование следующих видов компетенций в разрезе предмета «Иностранный язык»: лингвистическая (языковая), социолингвистическая (речевая), социокультурная, социальная (прагматическая), стратегическая (компенсаторная), дискурсивная, предметная, межкультурная компетенции.

Формирование компетенций требует установления неразрывной связи между ними, представления отдельных компетенций как определенной уров-

невой системы (Литвинов 2004: 51-57). В этой связи именно межкультурная компетенция может выступить как ведущий фактор интеграции всех вышеназванных компетенций.

Понятие «межкультурная (кросскультурная, межэтническая) коммуникация» ввели в научный оборот Г. Трейгер и Э. Холл в своей работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (Трейгер, Холл 1954), где определили ее как идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру. По сути межкультурная коммуникация — это всегда межперсональная коммуникация в специальном контексте, когда один участник обнаруживает культурное отличие другого. В случае, если удастся прочувствовать чужую картину мира, понять ее, формируется чувствительность к ситуации и уверенность в себе, понимание другого поведения и образцов мышления, формируется межкультурная компетенция, — это способность успешно общаться с представителями других культур.

В документах Совета Европы “CEFR for Language Learning and Teaching” социокультурные знания описываются следующим образом: «Аспекты знания мира, знание общества и культуры сообщества или общин, в которых говорят на изучаемом языке, имеют достаточное значение для изучающего язык и заслуживают специального внимания, тем более, что в отличие от многих других аспектов знания они, вероятно, будут лежать вне предшествующего знания учащегося или могут быть искажены стереотипами родной культуры.» Особенности характеристики конкретного европейского сообщества и его культуры могут иметь отношение к повседневной жизни, условиям жизни, межличностным отношениям включая отношения между властью и обществом, главным ценностям, верованиям и отношениям традиции, история, меньшинства, национальная идентификация, политика, музыка, религия, языку тела, ритуалам.

Для современных людей владение иностранным языком является своеобразным «маст хэвом»: модно и престижно использовать иностранные слова, читать литературу в оригинале, смотреть аутентичные фильмы и сериалы. Казалось бы, школьное обучение иностранному языку, начинающееся согласно стандартам образования со второго класса, является отличным источником необходимых для этого знаний в грамматике, лексике, фонетике, а также массу интересной и полезной информации о культуре стран изучаемого языка. К сожалению, выпускники школ в большинстве своем не способны вступать в реальную коммуникацию. В процессе овладения иностранным языком студенты усваивают материал, который демонстрирует функционирование языка в отличной от родной естественной среды и раскрывает особенности поведения, связанные с традициями, обычаями, социальной структурой общества, этнической принадлежностью. Прежде всего, это происходит с помощью аутентичных материалов (оригинальных текстов, аудиозаписи, видеofilьмов), которые являются нормативными с точки зрения изучаемого языка и содержат лингвострановедческую информацию (Соловова 200: 152).

Таким образом, изучая иностранный язык, студентов побуждают не только усваивать его лексические, грамматические и синтаксические особенности, но и научиться адекватно реагировать на речь носителей языка, применять подходящие ситуации жесты и мимику, использовать формулы речевого эти-

кета и знать культурно–исторические особенности страны изучаемого языка.

Другие пути решения данной задачи можно найти в следующих моментах:

- вовлечение эмоциональной сферы в процесс обучения
- проблемный характер заданий и ситуаций;
- использование на уроках аудиовизуальных средств
- использование принципа личностного подхода и индивидуализации процесса обучения;
- вовлечение учащихся в самостоятельную работу и проектную деятельность на уроке;
- разработка системы внеурочных занятий, усиливающих мотивационную сторону изучения языка (постановки спектаклей, сценок, интеллектуальных игр, конкурсов, акций, кружков по интересам и др.);
- разнообразие форм, средств и приемов работы в процессе обучения.

Наиболее эффективным и важным путем является разнообразие процесса обучения, которое проявляется в ежедневной деятельности учителя, в каждом уроке. Таким средством обучения можно считать экскурсию, которое по своей природе является специфическим интерактивным средством наглядности, ускоряющей формирование знаний, умений и навыков всех компонентов в комплексе, сочетая в себе чтение на до-экскурсионном и после-экскурсионном этапе, аудирование и говорение непосредственно в ходе рассказа, показа и письма в ходе рефлексивной работы (после-экскурсионный этап). Другие преимущества выражаются в том, что учебные экскурсии:

- Позволяют организовать ознакомление и тренировку нового учебного материала, обобщить и закрепить уже изученный.
- Реализуют принцип наглядности, способствуют лучшему усвоению и закреплению материала - практика показывает, что вводимый и отработываемый учебный материал в естественных ситуациях, создаваемых во время экскурсии, хорошо запоминается и активно используется в дальнейшем. Наблюдения психологов также подтверждают тот факт, что чем больше органов чувств участвует в процессе восприятия, тем прочнее закрепляются образы действительности в памяти.
- Укрепляют связь материала обучения с реальной жизнью и окружающим миром.
- Знакомят с богатствами, историей, людьми своего района, своего города, своей области, своей страны. Важно прививать любовь к своей Родине, потому что через нее во многом формируется и собственная картина мира ребенка, и его отношение к себе и окружающим людям.
- Формируют мировоззрение, нормы поведения, речевого этикета и др. (воспитательная направленность).
- Помогают в профессиональной ориентации и воспитывают гражданственную грамотность - посещение предприятий, фабрик, заводов, лавок мастеров, встречи с интересными людьми не только обогащают внутренний мир, но и могут помочь в таком сложном вопросе, как «кем я хочу стать». По крайней мере, такие посещения раскрывают разносторонность и многогранность жизни и способов ее осуществления, ее неоднозначность и многовариантность.

- Укрепляют социальные отношения внутри группы – сплочение класса в коллектив, установление прочных личностных связей как между учениками и группами учеников, так и по оси «ученик – учитель» и «учитель – класс». То есть осуществляется коммуникативная функция, которая создает эмоциональный потенциал для дальнейшего обучения и развития.

Участвуя в экскурсии, обучающиеся абстрагируются от процесса обучения в привычной для них классно-урочной формы, вследствие чего процесс приобретения знаний и тренировки навыков переходит в несколько иную плоскость, в которой непосредственная связь учитель-обучающий дополняется самим объектом экскурсии, становясь при этом ее фоном (Бурлакова 2014: 2).

При планировании включения экскурсии в расписание, прежде всего, нужно определить главную цель такого занятия. Тема экскурсии должна являться логическим продолжением главы, раздела, урока и служить их целям и задачам. Важно помнить, что учебная экскурсия – это, в первую очередь, образовательное мероприятие, а не увеселительное. Потому следует потратить некоторое количество времени и продумать задачи и ход экскурсии, чему способствует следующая схема, описанная преподавателями университета Северной Каролины, Кэнди Бил и Шерил Мейсон Болик (Beal, Bolick 2013: 42-43). Авторы предлагают разделить всю активную работу на три этапа – доэкскурсионный (before the trip), экскурсионный (during the trip) и послеэкскурсионный (after the trip).

1. Доэкскурсионный этап.

- Установите четкие цели и задачи экскурсии и обсудите их с учащимися.
- Представьте экскурсию как процесс и средство достижения результата, а не как конечную цель.

- Изучите главные особенности места, в котором будет проводиться занятие.

- Составьте список тех особенностей места, которые Вы планируете вынести на обсуждение. Продумайте замечания и комментарии к вопросам для обсуждения.

- Подготовьте список вопросов, на которые они должны найти ответы или собрать информацию в ходе экскурсии.

- Подготовьте все необходимые документы и разрешения со стороны школы, администрации, родителей. Установите точное время пребывания на экскурсии. позаботьтесь об организации питания, транспортировки, специальной формы одежды (если необходимо). Не забудьте напомнить о правилах поведения и технике безопасности.

- Продумать языковую сторону экскурсии: подобрать лексический и грамматический материал, способы его отработки (если необходимо), подготовить сопроводительные раздаточные материалы (если необходимо).

2. Экскурсионный этап

- Сконцентрируйте внимание учащихся на самых важных задачах и особенностях экскурсии.

- Если это возможно, вовлекайте учащихся в различные активные формы деятельности.

- Делайте заметки о том, что понравилось, а что нет, что сработало, а что не решило своих задач. Записывайте интересные вопросы учащихся.

3. Послеэкскурсионный этап.

- Предоставьте учащимся возможность выразить свои мысли и впечатления в виде открытых высказываний. Спросите, что они узнали из экскурсии, чему научились, что понравилось.

- Перечитайте собственные записи с экскурсии и обсудите наиболее важные моменты с учащимися, опираясь на их ответы.

- Еще раз просмотрите задачи экскурсии и соотнесите их с задачами основного обучения.

- Проведите подведение итогов экскурсии в виде рефлекслирующих заданий.

- Подведите собственный итог опыта проведения экскурсии. Это поможет Вам скорректировать Вашу работу в будущем и добиться еще большего результата.

Возникает логичный вопрос: почему же учебные экскурсии, обладая таким широким спектром преимуществ среди других форм обучения, все-таки чаще остаются за пределами школьной программы? Дело в том, что, как и любой другой метод обучения, подготовка и проведение уроков вне классных стен требуют значительного вложения сил, мыслей и желания и со стороны учителей и школы, и со стороны учеников и их родителей.

Рассмотрим самые очевидные и часто встречающиеся проблемы.

1. Проблема времени и загруженного графика. Очевидно, что это дополнительная нагрузка на учителя, учитывая, что данная форма планируется, организуется и проводится во внеурочное время. Так же это дополнительные затраты энергии и времени со стороны учеников, многие из которых помимо школы посещают и другие кружки, секции после школы, занимаются с репетитором и т. д.

2. Отсутствие поддержки со стороны образовательных учреждений и администрации. Это означает, что все организационные моменты ложатся на плечи учителя – энтузиаста. Кроме того, стоит отметить отсутствие финансирования со стороны властей на подобные мероприятия – чаще всего учащимся приходится изыскивать собственные пути оплаты самой экскурсии (галереи, выставки, музеи) и транспорт.

3. Поведение учащихся во время экскурсии, нежелание слушать, отсутствие заинтересованности. Можно предположить, что продуманную и интересно подготовленную экскурсию вызовет интерес учащихся. Важно помнить, что первоочередной целью экскурсии является образовательная, а не развлекательная функция.

4. Медицинский риск. Вся ответственность за здоровье и сохранность детей полностью ложится на плечи учителя. Кроме того, по действующим законам школьное учреждение имеет право отпускать учащегося за пределы класса только с письменного соглашения родителей.

Для того, чтобы выявить возможности включения учебных экскурсий в образовательный процесс был проведен критический анализ одного из самых распространенных на сегодняшний день УМК «Английский в фокусе» (Spotlight) для 7, 8 и 9 классов (авторы – Virginia Evans, Jenny Dooley, Olga Podolyako, Julia Vaulina издательства «Просвещение»). Учебники имеют модульную структуру, в каждом модуле учебников «Английский в фокусе 8–9» представлены уроки

культуроведческого и страноведческого характера (Culture Corner, Spotlight on Russia), которые обеспечивают учащихся релевантными возрасту учебными материалами для развития социокультурной и межкультурной компетенции. В ходе анализа содержания тем модулей и разделов учебников были выделены общие для всех трех уровней темы, приведенные в таблице ниже.

Таблица 2. Общие темы в УМК Spotlight (7, 8, 9 классы)

УМК	Темы модулей	Общие темы
Spotlight 7	Lifestyles Tale Time Profiles In the News What the Future Holds Having Fun In the Spotlight Green Issues Shopping Time Healthy Body, Healthy Mind	Hobbies, interests Appearance Food (growing - packaging - consuming) Technologies (media, gadgets, computers, networks) Ecology (disasters, global problems, green food) City vs. town (places of living + means of transport) Holiday (activities, places, problems)
Spotlight 8	Socializing Food & Shopping Great Minds Be yourself Global Issues Cultural Exchanges Education Pastimes	Art (authors, masterpieces, techniques in music, drawing, literature, theatre) Culture (celebrations, traditions) Social media (types, journalists, celebrities) Health and Safety
Spotlight 9	Celebrations Life & Living See It to Be It Technology Art & Literature Town & Community Staying Safe Challenges	

Данные Таблицы 2 отражают тот факт, что существует большое количество «сквозных» тем для учебников уровня 7 – 9 класса. Это дает основания предположить, что с каждым годом данные темы углубляются и дополняются как в плане лексики, так и в плане вопросов для обсуждения и их сложности и глубины. Таким образом, учебные экскурсии могут претендовать на логичное продолжение темы с целью либо ее закрепления, либо введения и повышения

внимания в предстоящему изучению (задачи нулевого урока каждого модуля). Как таковых рекомендаций по проведению экскурсий ни в книге для учащихся, ни в книге для учителя обнаружено не было. С другой стороны, возможностей самостоятельного включения в план достаточно. Примерный список возможных экскурсий по учебникам (применительно к школам города Пскова):

- Around Ancient Pskov
- Getting to Know Modern Pskov
- Welcome to my School!
- Sport Section
- Snail Mail Time
- Peacefulness of a Library
- Theatre Beauty and History
- Summer Garden (eco issues in the town)
- Art Treasure (art galleries and museums)
- History Keepers (museums and historical places)
- Animal Kingdom
- Botanic Garden
- Warriors of Time (historical reconstructions of significant events)

Как видно из представленного списка экскурсий, данный вид работы является очень перспективным для дальнейшего изучения и исследования. Планируется углубление темы, ее расширение, апробация сценариев экскурсий в школах города Пскова и возможное создание методического пособия для учителей общеобразовательных учреждений со сценариями учебных экскурсий.

Литература

1. Бурлакова, Г.В. (2014) Экскурсия как средство внеурочной деятельности: единство формы и содержания. Концепт. № 11 (ноябрь). С. 1-6.
2. Литвинов, А.В. (2004) О структуре межкультурной компетенции. Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва: МАКС Пресс. Выпуск 28. С. 51-57.
3. Соловова, Е. Н. (2002) Методика обучения иностранным языкам. Москва: Просвещение. 239 с.
4. Beal, Candy M., Bolick, Cheryl Mason (2013) Teaching Social Studies in Middle and Secondary Schools (6th edition). New York: Pearson. 242 с.
5. Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching. Draft 1 of a Framework proposal. Language Learning for European Citizenship (1996), Strasbourg.
6. Council of Europe (2011) Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching www/coe.int/t/dg4/linguistic/Cadre1_en.asp
7. Trager, G., Hall, E. (1954) Culture as Communication: A Model and Analysis. New York. 120 с.

Abstract. The article highlights the problem of sociocultural competence development, which is crucial in the successful process of communication at different levels. The paper focuses on the potential of excursions, conducted in foreign languages, their peculiarities, classifications and the procedure of such lessons. The author pays a special attention to the peculiarities of the educational

type of excursions as a form of learning sociocultural, linguacultural and sociolinguistic information, which can be successfully integrated into the Russian educational system as a means of an extracurricular activity.

Key words: sociocultural competence, educational excursion, technological procedure, educational potential.

Континентальная хоккейная лига как «коммуникационный инструмент» России в сфере профессионального спорта

Виктория Чайка

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Реклама и связи с общественностью», IV курс

Резюме. В статье рассматриваются и анализируются особенности деятельности Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) на международной арене как «коммуникационного инструмента» России в сфере профессионального спорта. Данная спортивная профессиональная лига не только популяризирует хоккей в соседних с Россией странах (в Латвии, Беларуси, Казахстане и др.), но и способствует культурному обмену между государствами, чьи хоккейные клубы входят в состав КХЛ, а также влияет на формирование положительного имиджа России за рубежом. Данная работа может быть интересна всем тем, кто интересуется теорией и практикой PR в спортивной сфере.

Ключевые слова: связи с общественностью, коммуникация, КХЛ, профессиональный спорт, PR-технологии.

Континентальная хоккейная лига (КХЛ) была создана в 2008 г. как альтернатива и конкурент Национальной хоккейной лиги (НХЛ). «Ядром» этого образования стала элитная российская хоккейная лига – Суперлига ПХЛ. КХЛ является международной структурой, которая в настоящее время включает в себя 29 клубов из 8 стран: России, Латвии, Хорватии, Финляндии, Словакии, Белоруссии, Казахстана и Китая. При этом Континентальная хоккейная лига не только популяризирует хоккей в соседних с Россией странах, но и способствует культурному обмену между государствами, чьи хоккейные клубы входят в состав Лиги, а также влияет на формирование положительного имиджа России за рубежом.

В данной статье мы рассмотрим и проанализируем особенности деятельности Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) на международной арене как «коммуникационного инструмента» России в сфере профессионального спорта. Особое внимание уделим процессу продвижения хоккейного бренда КХЛ на Восток, а также попыткам «расширения» Лиги за счет привлечения в свои ряды европейских клубов из элитных хоккейных стран.

Экономический кризис, разразившийся в 2014 г., подорвал стратегические планы по развитию Континентальной хоккейной лиги. Лига оказалась в относительно непростом положении, появилась необходимость тщательно продумывать свою дальнейшую деятельность по продвижению бренда российского хоккея в условиях сокращенных финансовых возможностей. Несмотря на данные трудности, КХЛ настойчиво работает над программой расширения своего состава и налаживанием связей с соседними странами.

Одним из инструментов популяризации бренда КХЛ является проведение выставочных матчей клубов Лиги в странах, где хоккей только начинает завоевывать популярность или где ещё нет своих команд КХЛ. При этом следует отметить, что у Лиги имеется опыт проведения игр своего регулярного чем-

пионата в таких странах, как Швейцария и Финляндия (когда «Йокерит» ещё не выступал в КХЛ – авт.). В последнее время КХЛ и её клубы неоднократно заявляли о намерениях проведения такого рода мероприятий. Так, например, на 9 февраля 2016 г. был запланирован выставочный матч между ХК «Спартак» (Москва) и сборной Венгрии, который должен был состояться в Будапеште на «László Papp Budapest Sports Arena». Лига достигла даже предварительной договоренности об организации трансляции этого матча на национальном телевидении Венгрии. Из-за проблем, возникших у венгерской стороны со спонсорами, было принято решение этот матч не проводить (2). В марте – апреле 2016 г. в прессе активно обсуждалась возможность проведения такого рода игр на территории Великобритании, в том числе с участием местных команд.

В настоящее время особое внимание Лига уделяет продвижению своего бренда на Восток. 17 марта 2016 г. президент Федерации хоккея России Владислав Третьяк, председатель совета директоров КХЛ Геннадий Тимченко и председатель совета директоров «Kunlun Red Star» («Красная звезда Куньлунь») Нгок Ян Юу подписали протокол о намерениях, согласно которому китайский хоккейный клуб получал возможность стать участником чемпионата КХЛ с сезона 2016–2017 гг. при выполнении ряда условий, обязательных для всех членов Лиги. Данный проект получил поддержку со стороны высших руководителей России и КНР (2). В итоге в Китае был создан хоккейный клуб «Kunlun Red Star», который стал полноправным участником Континентальной хоккейной лиги. В результате было положено начало хоккейному содружеству между КНР и странами, где хоккей является одним из самых популярных видов спорта (в первую очередь, мы имеем в виду Россию и Финляндию). Президент ХК «Kunlun Red Star» Эмма Ляо высказала следующую мысль по поводу появления в составе участников чемпионата КХЛ команды из КНР: «Клуб играет важнейшую роль в китайско-российских отношениях... Наш зимний спорт только начинает развиваться... В будущем планируется создание нескольких команд КХЛ из Китая» (1).

Продвижение Континентальной хоккейной лиги на Восток, скорее всего, не ограничится территорией Китая. Исходя из заявлений руководителей Лиги, в КХЛ в перспективе возможно появление клубов из Японии и Кореи. Такое сотрудничество будет только способствовать укреплению отношений между странами Дальнего Востока.

КХЛ также не отказалась от идеи своего расширения за счет клубов Западной Европы: в первую очередь за счет команд из ведущих хоккейных стран Европы (Швеции, Чехии, Швейцарии и Германии). Однако ряд национальных хоккейных федераций (в первую очередь Федерация хоккея Швеции – авт.) выступает категорически против вступления своих клубов в ряды КХЛ, так как это, по их мнению, будет способствовать снижению у существенной части болельщиков интереса к национальным чемпионатам.

Относительно недавно попытку присоединиться к КХЛ предпринял шведский хоккейный клуб «Краунс». В период летнего межсезонья 2016 г. ряд заинтересованных лиц из Швеции попытались создать новый хоккейный клуб, который должен был базироваться в Стокгольме. Был сформирован тренерский штаб команды, разработан логотип клуба, проведена пресс-конференция, на которой было озвучено намерение вступить в состав КХЛ, найдены потенци-

альные спонсоры для команды, а также поданы документы в соответствующие структуры Лиги о желании стать частью КХЛ уже с августа 2016 г. (3). Однако из-за «несгибаемой» позиции Шведской Федерации хоккея это стремление так и не было реализовано.

В связи с этим одной из самых больших побед КХЛ в деле своего расширения на Запад является присоединение к Лиге одного из самых популярных хоккейных клубов Финляндии – «Йокерита». Этот титулованный финский клуб стал частью КХЛ в 2014 г. Данному присоединению поспособствовал факт приобретения российскими инвесторами одной из крупнейших спортивных арен Финляндии – «Hartwall Arena». Кроме того, ряд российских бизнес-структур стали спонсорами ХК «Йокерит». Изначально в самой Финляндии общественность неоднозначно отнеслась к вступлению их клуба в состав КХЛ: было много высказываний, что это оттолкнет финских болельщиков от клуба, понизит зрительский интерес к национальному чемпионату. По прошествии двух лет можно с уверенностью сказать, что ХК «Йокерит» не потерял своего болельщика, а интерес к КХЛ у жителей Финляндии значительно возрос, что, в том числе, подтверждают заполненные трибуны «Hartwall Arena» во время матчей «Йокерита» с другими клубами Лиги.

Одной из «визитных карточек» КХЛ в последние годы стало такое мероприятие, как «Матч всех звезд КХЛ» («KHL All-Star Games») – ежегодный праздник хоккея с участием лучших игроков, выступающих в чемпионате КХЛ и выбранных болельщиками, журналистами и руководством Лиги.

В 2010 г. КХЛ доверила проведение «Матча всех звезд» столице Беларуси – г. Минску. Данный праздник хоккея состоялся на льду «Минск-Арены» и собрал 15000 зрителей. В 2014 г. «KHL All-Star Games» прошёл в Братиславе (Словакия) на «Словнафт арене» и собрал более 10000 зрителей. Проведение подобного рода мероприятий позволяет продемонстрировать уровень мастерства игроков клубов КХЛ, мотивировать новые команды на вступление в ряды Лиги, заинтересовать потенциальную целевую аудиторию чемпионата КХЛ. При этом проведение игр на лучших современных аренах Евразии, продуманная PR-кампания, грамотное использование медиа-каналов позволяют придать особый масштаб и значимость «Матчу всех звезд КХЛ» мире профессионального спорта.

В заключение следует отметить, что продвижение и популяризация спортивных брендов – достаточно эффективный способ улучшения имиджа страны, а значит и повышения лояльности соседних государств к данной стране. Континентальная хоккейная лига проводит активную и разностороннюю политику по продвижению своего бренда. Она это делает не только благодаря проведению внутренних мероприятий, но и при помощи выстраивания отношений с соседними странами. На Западе проводятся выставочные матчи клубов КХЛ, ведутся консультации с рядом ведущих клубов Старого Света о потенциальном вступлении в состав членов Лиги; на Востоке положено начало процессу создания новых хоккейных клубов в Китае. При этом важно понимать, что расширение географии участников чемпионата КХЛ способствует не только налаживанию связей в спортивной сфере между странами, чьи клубы входят в состав Лиги, но и культурному обогащению между этими государствами, а значит, в определенной степени, и развитию туристической составляющей.

Литература

1. Президент «Куньлуня»: планируется создание нескольких команд КХЛ из Китая. Сайт Allhockey.ru. Доступен: http://allhockey.ru/news/show/269969-Prezident_Kun_lunya_planiruetsya_sozdanie_neskol_kih_komand_KHL_iz_Kitaya.
2. Фролов, В.В. (2016) К вопросу о популяризации КХЛ на международной арене. Гуманитарные научные исследования. № 6. Доступен: <http://human.snauka.ru/2016/06/15538>.
3. Швеция «коронует» КХЛ. Сайт Газета.ru. Доступен: https://www.gazeta.ru/sport/2016/04/22/a_8191757.shtml.

Abstract. In article features of activity of the Kontinental Hockey League (KHL) in the international arena as a communication tool of Russia in the field of professional sports. This is a professional sports League not only promotes the growth of popularity of hockey in Russia's neighboring countries (Latvia, Belarus, Kazakhstan, etc.), but also promotes cultural exchange between countries whose hockey clubs part of the KHL, and also affects the formation of positive image of Russia abroad. This work can be of interest to all those interested in the theory and practice of PR in the sports field.

Key words: PR, communication, KHL, professional sport, PR-technologies.

«Открывая изобразительную наглядность заново: о развитии иноязычной коммуникативной деятельности учащихся с учетом современной реальной ситуации»

Карина Шепелева

ПсковГУ,

факультет русской филологии и иностранных языков,
направление «Педагогическое образование с двумя профилями», V курс

Резюме. Целью статьи является использование наглядности, как одного из ведущих принципов обучения для формирования иноязычной коммуникативной деятельности на уроках иностранного языка. Известно, что наглядность, помогает усваивать языковой материал более осмысленно и с большим интересом.

К сожалению, в реальной ситуации реализация наглядности на уроке английского языка сводится к минимуму, выявляются факторы, препятствующие использованию наглядности на уроке ИЯ. В статье приводятся результаты пробного обучения, которое доказало, что использование наглядного материала вызывает интерес к занятиям английским языком, тренирует творческое воображение, способствует формированию иноязычной коммуникативной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: иностранный язык, изобразительная наглядность, коммуникация, технология, коллаж, программа PowerPoint.

На сегодняшний день, в методике преподавания иностранным языкам (ИЯ) (здесь и далее ИЯ) основательно закрепился коммуникативный метод обучения, который, на наш взгляд, наиболее точно отражает основную цель обучения ИЯ в общеобразовательных учреждениях – овладение иноязычной культурой в процессе межкультурной коммуникации, то есть путем непосредственного общения. Основным преимуществом коммуникативного метода является процесс обучения иностранному языку максимально приближенный к реальной коммуникации.

Средством, позволяющим активно вовлекать учащихся в процесс общения и создавать ситуации, сопоставимые с реалиями может являться изобразительная наглядность, которая определяется принципом наглядности. Изобразительная наглядность – это демонстрация на уроках ИЯ изображений предметов, явлений, процессов, а также теоретических знаний о них. Огромная роль наглядности в процессе современного обучения очевидна. Она позволяет более детально понять изучаемые объекты и процессы, улучшить процесс восприятия учебного материала, сократить умственные усилия для овладения ИЯ. Принцип наглядности, как один из ведущих методических принципов, предполагает использование средств наглядного обучения в таких формах, которые способствуют включению восприятия и представлений, создающихся на основе применения этих средств, в умственную деятельность обучающихся, стимулируют и облегчают её. Наглядность – это основа, на которой новый язык усваивается своеобразно, и формируются речевые процессы обучающихся. Использование средств наглядности обеспечивает легкость и быстроту воспроизведения в сознании связей от слова иностранного языка, обознача-

ющего понятие, к образу предмета и явления, и связей от образа предмета, воспринимаемого в момент говорения, к иноязычному слову, выражающему понятие (Гальскова 2000: 165).

Согласно точке зрения Е.И. Пассова, цель применения изобразительных смысловых опор – «вызвать необходимые ассоциации между изображением (идеей, смыслом) и тем, что станет содержательным материалом высказывания», так как «к зрительному образу легко и прочно привязываются даже отвлеченные идеи» (Пассов 1984: 164). По его мнению, в данных опорах «могут быть гиперболизированы те свойства и качества предметов, которые важны для того, чтобы схватить суть и определить направление движения мысли говорящего» (Пассов 1984: 164), тем самым создается реальная ситуация общения.

Несмотря на значительные преимущества исследования изобразительной наглядности в учебном процессе, позволяющие говорить о том, что изобразительная наглядность помогает осуществлять иноязычную коммуникативную деятельность легко и непринужденно, а главное, с желанием, ситуация с применением наглядного материала в современных школах обстоит весьма печально. Мы сталкиваемся с проблемой игнорирования изобразительной наглядности. Глубокое изучение результатов наблюдения и анкетирования с целью выявления эффективного использования изобразительной наглядности на уроках иностранного языка в г. Пскове показало, что на данный момент, реализация наглядности на уроке английского языка сводится к минимуму. Учителя иностранного языка при подаче учебного материала редко используют наглядность для ознакомления, тренировки и применения. К факторам, мешающим использовать наглядности на уроке можно отнести:

- недостаточное количество часов на овладение ИЯ;
- сложные задачи, стоящие перед учителем и учащимися по овладению ИЯ.

Так, например, одним из основных факторов (40% учителей), мешающим применять изобразительную наглядность, учителя выделяют недостаточное количество времени на уроке, 60% учителей указывают на нехватку необходимого оборудования. Учителя (85%) редко прибегают к использованию своего наглядного материала. В основном, большинство опрошенных учителей (72%) используют лишь схематичную наглядность для введения нового грамматического материала.

Приведенные данные позволяют считать, что большинство учителей полагают, что при ознакомлении с лексическим материалом наиболее экономичным по времени является синонимия, переводной способ семантизации лексики. При работе с грамматическим материалом используются традиционные таблицы, не предполагающие опоры на реальные примеры и реальную ситуацию использования той или иной грамматической структуры. Незнание технологии работы с наглядным материалом ведет к игнорированию использования изобразительной наглядности при обучении как монологической, так и диалогической речи. Именно «боязнь» отказаться от известных приемов работы с изобразительной наглядностью тормозит развитие у учащихся иноязычной коммуникативной деятельности.

Необходимо сказать, что современные УМК, такие как «Английский в фокусе» и «Звездный английский» (8) предлагают обширный материал для работы с изобразительной наглядностью. Имеются все основания полагать, что современные УМК для среднего уровня обучения, предлагают весьма продуктивные на наш взгляд формы работы с изобразительным материалом (портфолио, проектная работа). Например, очень интересная и необычная форма работы с изобразительной наглядностью представлена в упр. 4 стр. 93 «Звездный английский» 5 класс. In groups draw a picture to go with Angela's poem. После прослушивания стихотворения ученик может изобразить образы и чувства, которые у него возникают, и по картинке описать свое отношение к стихотворению. Такой вид задания является наиболее интересным для обучающихся, так как здесь ученик уже сам решает какой наглядный материал, он будет использовать, как построит свое высказывание. Такие задания альтернативны: школьник сам выбирает о ком или о чем будет говорить, что его интересует, и можно считать, что такой вариант использования наглядности наиболее эффективен при формировании коммуникативных навыков у обучающихся. После каждого урока в учебнике есть секция Portfolio, где всегда представлено какое либо творческое задание по изученной теме, например: make a poster of your favourite cartoon characters. Write a few sentences about each character.

Представляется важным сказать, что такие упражнения требуют современного подхода к работе с изобразительной наглядностью, к разработке новых технологий, позволяющих учителю и ученикам взглянуть на работу с изобразительным материалом по-новому.

Все это позволяет нам предложить усовершенствовать предлагаемые формы работы с изобразительной наглядностью в современных УМК («Английский в фокусе» и «Звездный английский») (8).

Одной из таких технологий, направленной на использование упражнений, максимально воссоздающих ситуации общения является технология работы с Power Point, реализуемая нами на практике на среднем уровне обучения. На сегодняшний день широко используются различные компьютерные программы, такие как Power Point, которые позволяют представить весь материал урока в одной презентации. Они помогают систематизировать и упорядочить упражнения, предлагаемые в УМК. Такая программа может так же служить для организации самостоятельной и автономной деятельности обучающихся, так как с ее помощью учащиеся выполняют различные проектные работы, имеют право творчества в выборе наглядного материала для защиты своего проекта, тем самым данная технология является наиболее эффективной в создании коммуникативной иноязычной деятельности. Мы выделяем основные преимущества программы Power Point: проведение уроков на высоком эстетическом уровне (вспомним самодельные средства наглядности, созданные учителем в меру его скромных художественных способностей, которые со временем теряют свою привлекательность); красочность, которая позволяет создать яркий, запоминающийся образ, побуждающий чувства; наглядность подачи материала за счет звука и движения. Программа Power Point предоставляет широкие возможности: размещение различных картинок, эффектов анимации, вставка видео-фрагментов, использование звуковых эффектов, усо-

вершенствование контроля знаний за счет проведения проектов представленных в современных УМК. Учащиеся самостоятельно создают ситуацию, которая на их взгляд является наиболее привлекательной и воссоздает реальную картину общения.

Среди наиболее оригинальных технологий нами была представлен коллаж, как средство обучения ИЯ, который значительно расширяет возможности учителя в выборе форм для реализации иноязычной коммуникативной деятельности, делает уроки яркими и увлекательными, информационно и эмоционально насыщенными (Нефедова 1993: 5). Очевидным преимуществом использования коллажа является то условие, что каждый ученик, даже менее способный в языковом отношении и менее активный в психологическом плане, имеет возможность проявить собственную фантазию и творчество, активность и самостоятельность.

Прием коллажирования на уроках ИЯ позволяет ознакомить учащихся с любым тематическим материалом и служит наиболее эффективной технологией работы с изобразительной наглядностью (Нефедова 1993: 5). Кроме того, коллаж не ограничивает учащегося в выборе видов изобразительной наглядности (постер, фотография, иллюстрация и т.д.), т.е. предоставляет возможность самостоятельно действовать, выбирая стратегию своей работы по развитию чувства ответственности за конечный результат и аргументированному проведению презентации своей работы. Эффективным также является применения технологии коллажа на уроке в процессе проведения рефлексии. Коллаж можно применять, как для определения эмоционального состояния учащихся в конце урока, так и для понимания, что нового для себя ученики узнали в течение урока.

Сказанное позволяет нам рассматривать изобразительную наглядность не только как всеми известные картинки, иллюстрации, схемы, таблицы, но и как основополагающую базу для создания и привлечения современных технологий работы с наглядным материалом. Отказ от старых приемов работы с изобразительной наглядностью позволяет расширить сферу деятельности учителя в творческом плане, создать яркие, продуктивные, а главное направленные на реализацию процесса обучения ИЯ максимально приближенному к реальной коммуникации.

Литература

1. Алексеева, И.В. (2002) Использование ситуативных картинок на уроке иностранного языка, ИЯШ. Выпуск 6. С. 29-32.
2. Воротницкий, Ю.И., Курбацкий, А.Н., Листопад, Н.И. (1996) Тенденции применения новых информационных технологий в образовании, ИЯШ. Выпуск 4. С. 4-10.
3. Гальскова, Н. Д. (2000). Современная методика обучения иностранным языкам. Москва: Аркти-Глосса. 165 с.
4. Никонова, Н.К. (2008). Школьный практикум к курсу «Теория и методика обучения иностранному языку». Москва: АПК и ППРО. 76 с.
5. Нефедова, М.А. (1993) Коллаж и коллажирование в учебном процессе, ИЯШ. Выпуск 2. С. 5-8.
6. Пассов, Е.И.(1984). Основные вопросы обучения иностранной речи.

Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт. 164 с.

7. Прокофьева, В.Л. (1990) Наглядность как средство создания коммуникативной мотивации при обучении устному иноязычному общению. ИЯШ. Выпуск 5. С. 41–45.

8. УМК: Быкова, Н.И., Дули, Д., Поспелова, М.Д. «Звездный английский» классы 5-7; Баранова К.М., Дули, Д., Копылова, В. В., Мильруд, Р. П., Эванс, В. «Английский в фокусе» классы 5-7.

Abstract. The aim of the article is to study the use of visual aids as one of the basic methodical principle in TEFL. It's common knowledge that visual aids help study English with great interest and more effectively.

The study of the issue shows that in present day schools the use of visual aids in TEFL is minimized. The factors that prevent teachers from using visual aids during their English classes are revealed. The results of the experimental teaching are presented in the article and prove that visual aids awake interest in learning EFL, develop creative thinking and students' communicative activity.

Key words: foreign language, visual aids, communication, technology, collage, Power Point.

Научное издание

ЯЗЫК, МИФ, ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА, КОММУНИКАЦИЯ:
ПЕРЕСЕКАЕМ ГРАНИЦЫ

Рига – Псков
3–4 ноября 2016 г.

Часть II

Верстка: К. А. Шморага

Подписано в печать 26.12.2016. Формат 60×84/8
Гарнитура Candara. Усл. п. л. 11,25
Тираж 100 экз. Заказ № 102

Отпечатано на Versant 2100
в типографии издательства Псковского государственного университета.
Адрес: 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, 4